

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

МРАЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

ВЫСШАЯ

ПРОНИКАЮТ МНЕ В ГОЛОВУ,

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

РАЗМЫВАЯ ВСЕ ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ...

ОБЖИГАЮЩАЯ ТИШИНА

Лорет Энн Уайт
Обжигающая тишина
Серия «Высшая лига детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66729770
Обжигающая тишина: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-161717-2

Аннотация

Вернувшись из путешествия, Рэйчел узнает, что ее сестра погибла во время пожара. Теперь ей придется воспитывать дочь сестры, чья тайна рождения становится головной болью для Рэйчел и ее жениха Трэя.

Меж тем в город возвращается Джеб. Несколько лет назад его приговорили к тюремному сроку из-за показаний Рэйчел и Трэя, но затем оправдали из-за несостыковок в деле. Тогда была убита девушка, еще одна пропала.

Могут ли все эти события быть звеньями одной цепи?

Джеб намерен разобраться, тем более когда-то у него были отношения с Рэйчел. Вернуть себе доброе имя – значит навсегда расквитаться с прошлым.

Содержание

Глава 1	12
Глава 2	32
Глава 3	47
Глава 4	68
Глава 5	90
Глава 6	107
Глава 7	124
Глава 8	145
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Лорет Энн Уайт

Обжигающая тишина

Loreth Anne White

THE SLOW BURN OF SILENCE

Copyright © 2014 Loreth Anne White This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Roxana Bashyrova, BERNATSKAIA OKSANA,
Mimadeo / Shutterstock.com.

Используется по лицензии от Shutterstock.com.

© 2014 Loreth Anne White This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Roxana Bashyrova, BERNATSKAIA OKSANA,
Mimadeo / Shutterstock.com. Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Савельев К., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо»», 2022

* * *

ВЫСШАЯ
ЛИГА ДЕТЕКТИВА

ЦИКЛ РОМАНОВ

«ПРИМАНКА ДЛЯ УБИЙЦЫ»

ПРИМАНКА ДЛЯ МОЕГО УБИЙЦЫ
САМЫЕ ТЕМНЫЕ ДОРОГИ

ЦИКЛ РОМАНОВ

О ДЕТЕКТИВЕ ЭНДЖИ ПАЛЛОРИНО

УТОНУВШИЕ ДЕВУШКИ
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ МОЕЙ ДЕВОЧКИ
ДЕВУШКА В ТЕМНОЙ РЕКЕ

ДРУГИЕ РОМАНЫ

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

КОГДА МЕРКНЕТ СВЕТ
ГОЛОДНАЯ ПУСТОШЬ
ПОГЛОЩЕННЫЕ СУМРАКОМ

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

ROMANTIC TIMES REVIEWERS' CHOICE AWARD

В Ы С Ш А Я

NATIONAL READERS' CHOICE AWARD

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

BEST BOOK OVERALL

ОБЖИГАЮЩАЯ ТИШИНА

МОСКВА

Павло, моему литературному покровителю

Глава 1

Апрель. Весна

Когда что-то начинается и заканчивается? Круги на воде от камня, брошенного в пруд... начинаются ли они с гладкого окатыша, привлекающего взгляд, с желания взвесить его на ладони, запустить над водой... Заканчивается ли это с последней крошечной волной, набегающей на дальний берег?

Я отрываю взгляд от плотного коричневого конверта у меня в руках. Адвокат по фамилии Гатри смотрит на меня, и в его взгляде я читаю оценку, которую он приберегает для таких новостей: ошеломительные, зубодробительные новости. В окне за его головой розовая пена вишневых соцветий оттеняет вид на вершины горной гряды Лайонс на фоне лазурного неба. Толстый шмель ритмично бьется о стекло. Я слышу приглушенный шум уличного движения на Лонсдейле. Автомобильный гудок. Мужской крик. Автофургон подает сигналы, разворачиваясь на выезд. Жизнь продолжается. Все идет, как обычно.

Но нет.

Семьдесят два часа назад я находилась с Трэм на Ба-ли, в предсвадебном путешествии, которое мы обещали друг другу, когда обручились. Звонок прозвучал, когда мы лежали обнаженные под мягкой белой сеткой, свисавшей с бамбукового потолка. Моя сестра и шурин погибли во время до-

машинного пожара. Как их единственная живая родственница я стала опекуницей их восьмилетней дочери. Мы с Трэем вернулись домой первым же рейсом.

Теперь, сидя перед юристом в офисе Северного Ванкувера, я наконец понимаю, почему иногда испытываю странное беспокойство, когда смотрю в глаза моей племяннице.

Потому что это *его* глаза.

Его кровь течет в ее венах. Его ДНК. Та самая ДНК, которую использовали для его осуждения...

Все мои телесные реакции требуют опровергнуть эти новости и оттолкнуть папку назад по лакированной крышке деревянного стола. Но речь идет о Куинн, о моей маленькой темноволосой загадочной племяннице. Я была здесь, когда София и Питер принесли ее домой, всю в младенческих морщинках, сопящих всхлипах и восхитительных зевках, какие можно видеть у новорожденных. Воспоминания затопляют мой разум: мне восемнадцать лет, и я получаю на руки плотно спеленутый сверток. Мне впервые доверили держать на руках крошечное человеческое существо, и чувство ответственности было ошеломительным. У меня защипало в глазах. Я помню плотную ткань одеяла, кисловато-сладкий запах молока, угольно-черные волосы, мягкие, как шелковая пряжа, у меня под ладонью, когда я гладила крошечную головку.

Никогда не забуду улыбку на лице моей сестры в тот самый день. И на следующий день. Куинн была нашей. Ника-

ких задних мыслей о ее биологических родителях. Только мы. Только будущее в новой большой семье.

Другое воспоминание вытесняет первое: иссиня-черные волосы, те же волосы у меня под ладонью... поцелуй, усыпляющий меня... те же сине-фиолетовые глаза, обрамленные невероятно густыми ресницами... Мое сердце громко стучит в груди.

– Почему? – хрипло спрашиваю я. Шмель монотонно бьется в оконное стекло. Меня распирает от сдерживаемых чувств.

Гатри наклоняется вперед с выражением расчетливого сострадания. Он говорит умиротворяющим, медовым тоном, и во мне вспыхивает искра негодования. Я понимаю, что мой гнев направлен не по адресу, однако раздражение владеет мной, наполняет грудную клетку, стучит в горле и проникает в голову.

– Вы ближайшая родственница Куинн, мисс Салонен. Ваша сестра полагала...

– Я имела в виду, *почему* они удочерили ее. Почему... – Я ловлю себя на слове, паника и жестокая реальность бичуют меня. – Господи, прошу прощения. Я неправильно выразилась. – Я делаю медленный, глубокий вдох. – Но... есть ли возможность, что произошла ошибка?

– Никакой ошибки. Он ее биологический отец. Все документы находятся здесь. – Гатри кивает в сторону коричневого конверта, который я держу в руках. – Это была прямая

договоренность. Биологическая мать согласилась на удочерение, прежде чем стороны обратились в агентство, которое занялось оформлением документов. Отцовские права биологического отца были отвергнуты при решении об удочерении ввиду его судимости. В подобных делах такое нередко случается.

– Значит, он не знает? Он не имеет понятия, куда отправился его ребенок?

– Нет, ему не было сказано, где разместили ребенка.

Я пытаюсь сглотнуть комок в горле. Моя кожа в огне. Мрачные воспоминания проникают мне в голову, как чернильные щупальца в стоячую воду, кружась и заслоняя настоящее, размывая мои планы на будущее вместе с Трэем. Мы все так старались похоронить прошлое, и весь город помогал нам. Но иногда все, что можно сделать – это заштукатурить бетон, потому что внизу остаются щели, ожидающие лишь слабого землетрясения, чтобы снова раскрыть свои черные пасти и проглотить вас. Прямо как сейчас.

Меня снова отвлекает шмель, продолжающий биться мохнатой башкой об стекло. Почему он пытается попасть внутрь, когда снаружи цветы и свобода?

– Почему она не сказала мне? – шепчу я, глядя на шмеля.

Гатри молчит, поскольку это очевидно. Мне было восемнадцать лет, и я была безнадежно, безрассудно, дико влюблена в Джебедию Каллена, когда это случилось. Так или иначе, я любила Джеба с детства – сначала как доброго и нежного

друга, но потом все осложнилось. Наши отношения приобрели глубину и сексуальность. Я всегда поддерживала Джеба. Он показал мне новый взгляд на мир. Несмотря на нашу ссору, которая той ночью привела к ряду ужасных событий, я всей душой хотела провести с ним остаток своих дней. Сексуальное посягательство, вспышка насилия, младенец, предательство – все это порвало мою жизнь в клочья, вынуло душу из моего тела. Я утратила чувство цели и направления, что разрушило мою карьеру в лыжных гонках и уничтожило надежды на второе олимпийское золото. Эти надежды принадлежали не только мне; это были совместные мечты всей небольшой общины Сноу-Крик. Я была их Золотой Девочкой – Рэйчел Салонен, которая выросла в этой долине и училась кататься на беговых лыжах, которые мой дед собственноручно изготовил с помощью топора и цепной пилы на склоне Медвежьей горы еще до моего рождения.

Потом наступила холодная осенняя ночь, когда пропали две девушки. Эми Финдли и Мэрили Цуканова, мои одноклассницы. Эми была обнаружена истерзанной и беременной от Джеба. С тех пор прошло девять лет, а Мэрили по-прежнему числится пропавшей без вести.

А теперь мне нужно заботиться о Куинн – о живом, дышащем воплощении предательства Джеба в ту ночь, полную насилия. Мне нужно забрать эту темноволосую девочку с необычными глазами цвета индиго к себе домой в Сноу-Крик, где все произошло. Дочь изменника, которого я ко-

гда-то так сильно любила.

Он с другой стороны реки, Рэйчел. Он полукровка, воспитанный ирландским пьяницей и местной индейской женщиной... Тебе нужно как следует подумать, Рэйчел... Он причинит тебе боль, Рэйчел...

– Мисс Салонен?

Мой взгляд обращается к юристу.

– Есть кто-то, кому я мог бы позвонить? – тихо спрашивает Гатри. – Человек, который мог бы посидеть с вами? Возможно...

– Со мной все в порядке. – Я выпрямляю спину. – Просто... – Меня внезапно корежит от душевной боли. – Понимаете, все дело в Софии. Ее сердце всегда истекало кровью, она всегда пыталась спасти этот проклятый, кровавый мир. Вы знали, что она консультировала Эми по вопросам посттравматического синдрома? Так она познакомилась с Эми, когда обе жили в Сноу-Крик. Полицейские вызвали Софию, когда нашли Эми в полубессознательном состоянии, пока она блуждала по лесным тропам. Ее родители – ревностные католики. Они и слышать не хотели о прерывании беременности, поэтому София и Питер... – У меня ломается голос. Я делаю паузу, чтобы собраться с силами, и более спокойно продолжаю: – Они годами старались завести ребенка. Теперь я понимаю, что все это должно было произойти. София и Питер вмешались и предложили удочерить ее. Они получили ребенка, который сам был маленькой жертвой, и дали

Эми второй шанс.

У меня что-то рвется в груди. Мне уже больно за Софию, и это боль, как от раны, открытой соленому ветру. Осознание того, что моя сестра больше никогда не появится на другом конце телефонной линии, готовая помочь спокойным и мудрым советом. Она была наставницей и материнской фигурой для меня. Всегда такая уравновешенная, и вот ее нет. Моего отца тоже нет. А Куинн? Теперь она одна во всем мире, у нее есть только я. Тихая, но тошнотворная паника поднимается изнутри. Мне двадцать семь лет, но я не готова быть матерью; я не знаю, как это делается.

– Моя сестра имела слишком большое сердце для собственного блага, – шепчу я, пока лезу в свою соломенную пляжную сумочку из рафии за влажными салфетками. Адвокат встает, наливает воду в стакан и протягивает мне.

– Спасибо. – Я крепко держу бокал; не хочу, чтобы он видел мою дрожь. Я делаю глубокий глоток, и в этот момент в моей сумочке чирикает мобильный телефон. Я игнорирую его. Я знаю, что это СМС от Трэя, где он говорит, что нашел парковку и будет ждать меня внизу на площади.

Я думаю о нем, стоящие под весенним солнцем под раскидистой магнолией на фоне сверкающей воды в бухте Буррард за его спиной. Как он отнесется к этому. Он не имеет понятия о том, что я вынесу из этого здания. Я надежно ставлю стакан на стол и сморкаюсь в салфетку.

– Мне нужно что-то подписать? – спрашиваю я.

– Только вот это. – Гатри посылает по столу несколько документов. – Ваши копии завещания, свидетельство об удочерении, медицинская информация о биологических родителях – все в одной папке. – Он делает паузу. – Как я понимаю, ваша племянница находится на попечении соседа в двух домах от жилища вашей сестры, и она встречалась с детским психологом.

Я киваю и снова сморкаюсь в салфетку.

– Мы уже видели ее. Мы первыми были на месте.

Образы изогнутых, обугленных руин встают перед моим мысленным взором. Черные скелеты балок на фоне голубого неба. Желтая полицейская лента, трепещущая на ветру перед рододендронами Софии. Вишнево-красные соцветия, любимый цвет Софии... Ее весенний сад воспрянул к жизни, когда садовницы не стало.

Пожар случился после того, как Куинн ушла в школу. Сосед на другой стороне улицы первым увидел дым и вызвал аварийные службы. По словам командира пожарной бригады и полицейских, наиболее вероятной причиной взрыва было повреждение местного газопровода. Пожар был коротким и яростным; ему поспособствовал взрыв цистерны с пропаном. Она была объята пламенем, когда пожарные прибыли на место происшествия. Там было слишком жарко, поэтому они отступили, сдерживали распространение огня и толпу зевак. Все, что находилось в доме, было сожжено.

Тело Софии было обнаружено в ее кабинете, примыкав-

шем к дому, где она задохнулась от дыма. Питера нашли под балкой перед ее кабинетом. Первоначальное предположение состояло в том, что Питер попытался спасти свою жену, когда на него рухнула горящая потолочная балка.

Мне сказали, что пройдут недели или даже месяцы, прежде чем совместное расследование Королевской конной полиции Канады и пожарного управления определит точную причину пожара и смерти супругов.

Я подписываю документы и поднимаюсь на ноги. Теперь, в возрасте двадцати семи лет, я несу юридическую ответственность за восьмилетнюю девочку. Мы с Трэем отвезем ее домой в Сноу-Крик, в нескольких часах езды к северу от Прибрежных гор. Вес принятого решения внезапно оказывается сокрушительным. Мне нужно разобраться, в какой комнате поселить девочку. Мне нужно купить ей одежду и другие вещи первой необходимости еще до нашей поездки. Плюс чемодан, чтобы уложить все это. Мне нужно будет устроить Куинн в начальную школу Сноу-Крик и организовать какой-то уход за ней после школы, потому что газетный бизнес, доставшийся мне от отца четыре месяца назад, поглощает все мое время и силы и все пойдет прахом, если я не обеспечу какую-то финансовую поддержку.

Мои колени неожиданно подгибаются. Мне хочется сесть. Но если я не могу с этим справиться, то как справится Куинн? Девочка потеряла своих родителей и все, что она имела. Ее скоро вырвут из единственной жизни, которую она знала.

Мне нужно быть сильной ради моей племянницы. Ради моей сестры. Я должна защитить этого ребенка, и не имеет значения, с чем меня сталкивает жизнь.

Я разглаживаю сумочку. На мне до сих пор та же самая футболка, которую Трэй купил мне на оживленном рынке в Кате, среди лабиринта ларьков и прилавков, и я даже чую слабый запах кокосового масла на коже. Я закидываю сумочку на плечо, беру папку, благодарю адвоката и направляюсь к двери, но замираю на месте, пораженная внезапной мыслью.

Я поворачиваюсь к Гатри и говорю:

– «Проект Невинности» при университете Британской Колумбии до сих пор борется за отмену его приговора.

– Да, они пять лет трудятся над этим: кто знает, может быть, что-нибудь и получится.

– Что, если он выйдет на свободу?

– Так или иначе, он никуда не выйдет, Рейчел. Независимо от того, отменят ли его приговор, он выйдет только после того, как отсидит свой срок.

Я гляжу на адвоката.

– Но у него нет никаких прав на Куинн. Вы говорили об этом.

– Верно.

– И он не знает о ней. Я просто хочу убедиться, что он не знает, что Куинн Маклин является его дочерью.

– Джебедея Каллен знает лишь то, что Эми Финдли ро-

дила ребенка от него и что этого ребенка передали под опеку. У него нет законных возможностей для получения другой информации. А ваша сестра в ее завещании ясно дала понять: она не хочет, чтобы девочка знала, кто ее отец.

Тем не менее меня охватывает леденящее, недоброе предчувствие.

* * *

Площадь в весеннем цвету кажется слишком белой, слишком яркой. Я прикрываю глаза козырьком ладони, пока высматриваю Трэя. Сейчас я нахожусь там же, откуда входила в здание юридической фирмы, но пространственно-временной континуум как будто сместился. Все кажется более резким и эксцентричным.

Я замечаю Трэя, сидящего на каменной стене под усыпанными цветами ветвями магнолии. Его глубокий загар после нашего двухнедельного отдыха на Бали трудно не заметить. Он вскакивает на ноги, как только видит меня, и направляется вперед энергичным, непринужденным шагом. Он большой, мощный и обветренный, как и горы, откуда мы родом. Его темно-русые волосы частично выбелены солнцем и серфингом. Когда он приближается, я вижу тревогу в его голубых глазах.

Он берет мою руку в ладони.

– Все в порядке?

Тошнота волной поднимается изнутри. Секунду-другую я не могу говорить.

– Давай присядем. Расскажи, что случилось.

Направляемая уверенной рукой Трэя, я медленно опускаюсь на деревянную скамью. Он любит выступать в роли доблестного защитника. Он два года был руководителем поисково-спасательной группы Сноу-Крик, и он из тех парней, которые никогда не подводят своих товарищей. Я смотрю, как он переплетает свои пальцы с моими; его загорелая кожа на фоне моей бледности, форма его мускулистого предплечья, золотистые волоски на коже. Новенькое кольцо с бриллиантом у меня на пальце.

– Мне нужно будет стать матерью, – тихо говорю я, глядя на кольцо.

– Эй... – Он обхватывает ладонями мое лицо и вынуждает посмотреть в свои льдисто-голубые глаза. – Мы же ожидали этого, Рэйч. Все будет замечательно, мы справимся. – Его лицо озаряется улыбкой. – Моментальная семья, как насчет этого? Отличная практика до тех пор, пока мы не заведем собственных детей.

– Все не так просто, – говорю я.

Выражение его лица меняется, когда он что-то читает в моих глазах и слышит в моем голосе. Между нами проходит тень. Вдалеке я слышу сирену, буксирный гудок, шум двигателей прибывающего морского парома и крики чаек над рыбацкой лодкой.

– Что ты имеешь в виду?

Я откашливаюсь.

– София и Питер приняли в свою семью Эми Финдли и ребенка Джеба Каллена.

Он молчит. Ни малейшей реакции. Крик чаек становится лихорадочным, корабельная сирена громко ревет. До нас доносятся голоса людей на площади, выходящих из офисов и спешащих на ленч. Отчаяние стискивает мне грудь.

Внезапно Трэй вскакивает на ноги, делает два быстрых шага от меня и замирает, как статуя. Потом резко оборачивается ко мне.

– Что?

Я не отвечаю. Пусть он сам поразмыслит об услышанном.

– Проклятье, – тихо говорит он.

Мое сердце учащенно бьется. Никто этого не знает, и никому не нужно знать. София тоже не хотела, чтобы Куинн узнала, кто ее отец: она так и сказала в своем завещании. Она хотела защитить Куинн.

– И *его*?

– Он не имеет никакого отношения к удочерению. Он вообще не знает, куда делся ребенок.

Трэй мрачно смотрит на меня. Недоброе предчувствие еще глубже вгрызается в мои кости.

– Пожалуйста, Трэй, садись со мной. Послушай меня...

– Я не понимаю. Как это могло случиться? Ага, погоди... значит, поэтому твоя сестра уехала из Сноу-Крик, да? А Пи-

тер устроился там на работу, чтобы они могли взять и вырастить это дьявольское отродье, поскольку семья Эми не могла избавиться от него?

Праведный гнев заставляет меня вскочить на ноги.

– Моя сестра помогла жертве изнасилования, Трэй. Молодой женщине, которая разрывалась между своей семьей, религией и ребенком от ее насильника. Куинн – *тоже* жертва. Это невинная девочка, которая ничего не знает и не должна знать об этом!

– Боже... – Он расхаживает под магнолией. Соцветия внешне кажутся слишком мясистыми и непристойными, запах – слишком насыщенным. Он поворачивается ко мне, и солнце высвечивает его силуэт со спины. – Речь идет о том, чтобы взять в наш дом ребенка осужденного преступника и убийцы. В наше будущее, в нашу жизнь.

– Против него не было обвинения в убийстве.

– И это делает его лучше? Единственная причина, почему его не поджарили на электрическом стуле, состоит в том, что тело несчастной Мэрили так и не смогли найти. Она до сих пор числится пропавшей без вести. – Он взмахивает рукой и указывает на север. – Где-то там, в горах, до сих пор безнаказанно живет его семья. А этот... этот подонок может выйти на свободу, если его приговор будет отменен. На основании проклятой технической формальности, поскольку адвокат защиты представил доказательства, которые *могут* стать основой для разумного сомнения. Все мы знаем, что

он сделал это. И ты хочешь, чтобы мы взяли этого ребенка в свою жизнь?

– Послушай себя, – говорю я. – Мы говорим о Куинн. О моей племяннице. Ты знаешь ее. Раньше у тебя никогда не было проблем с ней. Это не должно измениться только из-за того...

– Откуда ты вообще знаешь, что ребенок от него? Так сказал Гатри, да? «Эй, Куинн родилась от Джеба Каллена»?

Я протягиваю ему папку, полученную от Гатри.

– Сам посмотри.

Он берет папку, перелистывает содержимое, изучает документы. Потом садится, медленно перечитывает их и поднимает голову.

– Завещание было написано пять лет назад, – говорит он.

– Когда София в последний раз обновила его. По словам Гатри, она собиралась прийти на следующей неделе и внести изменения. Но... случился пожар.

– Что за изменения?

– Гатри не знает. Но, что бы София ни собиралась сделать, это не меняет факта о биологических родителях Куинн.

– Нам нужен тест ДНК.

Я моргаю.

– Ты не веришь тому, что сказано в этих документах?

Трэй гневно смотрит на меня. Ясно, что он ушел в отрицание. И пока он борется с собой, то наносит удары повсюду, включая меня.

– Это несерьезно, – говорю я. – В любом случае с чем ты сопоставишь результаты анализа ДНК? С профилями ДНК, использованными во время суда над Джебом? И как нам добраться до этих архивов, если мы не хотим раскрывать себя и давать Джебу понять, что он ее отец?

Он проводит пятерней по волосам.

– Рано или поздно она узнает. Куинн собирается найти своих настоящих родителей, и она сделает это.

– Мы разберемся с этим, когда это случится. В любом случае она будет гораздо старше и лучше готова к встрече с правдой. Но не сейчас. Не так скоро после того, как она потеряла своих родителей. Нам нужно уважать волю Софии. Придется держать это в секрете ради блага Куинн.

Он смотрит на меня.

Я сажусь рядом с ним, кладу руку ему на бедро.

– Мне тоже трудно осмыслить и принять это, но мы переживем. Со временем станет легче.

Трэй отворачивается от меня.

– Ты не можешь так поступить, – тихо говорит он и качает головой. – Не можешь забрать ее туда... только не в Сноу-Крик.

– Мы, – шепчу я. – *Мы* заберем ее домой. Уже сегодня. Почему ты говоришь так, словно мне придется делать это одной?

Он поворачивает голову и сталкивается с моим взглядом. В его глазах появляется странное выражение.

– Домой? – ровным голосом спрашивает он. Я ощущаю, как мой мир опасно накреняется, как будто невысказанный смысл этого слова повисает между нами. Домой, где случилось преступление. Это большой дом у озера, оставленный мне отцом после его кончины от рака четыре месяца назад. Трэй переехал ко мне только в прошлом месяце, перед нашей поездкой. Мы планировали объединить наши финансы, сделать ремонт, перестроить шлюпочный эллинг и сдать его в аренду из-за высоких налогов на недвижимость, расположенную на первой линии озера на лыжном курорте, который приобрел всемирную известность.

– Боже мой, – шепчет он. – Город уничтожит ее, если выяснится, кто она такая.

– Никто в городе не должен знать об этом.

– Секрет, – тихо говорит он. – Мы должны держать в секрете ребенка этого полового извращенца? Мы должны жить *в нашем доме* с памятью о том, что он сотворил?

Трэй надолго замолкает. Теплый ветер шелестит в листьях и разбрасывает по мостовой опавшие вишневые лепестки. Одинокий голубь клюет крошки между лепестками. Я слышу гудок парома, отходящего от причала.

Он тихо фыркает, глядя на голубя.

– Знаешь, я всегда думал, что ты до сих пор равнодушна к нему. Что ты не можешь отречься от него, несмотря на то что он сделал.

Я чувствую, как кровь отливает от моего лица.

– *Как ты смеешь?* – Мне едва удастся прошептать эти слова.

Он встает и идет прочь, расправив плечи.

– Не уходи вот так, Трэй! Не оставляй меня!

Он останавливается и медленно поворачивается. Его глаза влажно блестят. Боль и смятение, которые я чувствую в своем сердце, отражаются в напряжении его черт. Он борется с чем-то глубоко внутри себя.

– Как? – спрашивает он. – Как мы можем взять этого ребенка в нашу новую, чистую и счастливую жизнь, в наше будущее? Я свидетельствовал в суде против него. Ты делала то же самое. Все мы помогали упрятать его за решетку. Теперь кажется, что мы возвращаем его обратно.

Я встаю и иду к нему. Беру его за руку и стараюсь замаскировать дрожь в моем голосе.

– Я не могу просто отвернуться от этого решения, Трэй. У моей племянницы в этом мире не осталось никого, кроме меня. – К моему горлу подкатывает комок. – Я собираюсь заботиться о ней. Но я люблю тебя, и... – Теперь у меня в глазах стоят слезы... – И я не хочу при этом потерять тебя.

Он заключает меня в объятия и привлекает к себе.

– Прости, – шепчет он мне в волосы.

Он держит меня так, как всегда, – крепко и уверенно. И от него пахнет так же, как всегда. Честный мужской запах. На какой-то момент я успокаиваюсь, и меня охватывает нереальное чувство, что ничего не было. Возможно, я никогда не

говорила с адвокатом. Возможно, ничего не изменилось. Но наш мир уже не такой, каким он был несколько секунд назад. Обратного пути нет. Мне на ум внезапно приходят чужие слова.

Ты не можешь существовать в этом мире, не оставляя частицы себя, не оказывая влияния – сколь угодно ничтожно – на все и всех, с кем ты встречаешься...

Это слова Джеба.

Иногда ты оставляешь за собой разрушительный след: мятую траву, разбросанные камни. В других случаях твой след почти неразличим, если не знаешь, где искать, и это может быть все равно что следовать за призраком...

Когда он говорил это, то показывал, как находить следы рыси на влажном мху. Мне было пятнадцать лет. Ветви огромных красных кедров над нами дробили солнечный свет на лесном ложе. Это было все равно что находиться в живом соборе; деревья вокруг нас были почти такими же старыми, как Нотр-Дам. В тот день он впервые поцеловал меня.

Частицы себя...

Куинн. Мои шрамы. Моя хромота. То, какой я стала. Все его частицы – частицы прошлого.

Иногда ты оставляешь за собой разрушительный след...

Я прижимаюсь лицом к изгибу шеи Трэя, стараясь избавиться от воспоминаний. Его кожа теплая и немного соленая. Знакомый вкус, означающий безопасность. Он – моя надежная гавань.

– Мне так жаль, Рэйч, – снова шепчет он мне в волосы. – Я не хотел. Это... просто трудно сразу принять такое.

– Знаю, – бормочу я с закрытыми глазами.

– Мы сможем, – говорит он. – Мы сможем, и мы все сделаем правильно.

Я киваю и всем сердцем хочу поверить ему.

Глава 2

Шесть месяцев спустя. Начало октября

Джеб снял шлем и подошел к ограждению обзорного наблюдательного пункта на негнущихся ногах после дальней поездки в северные горы. У самого края обзорной площадки на шоссе № 99 он забрался на бетонную стенку рядом с плакатом «Не кормите медведей». Оттуда он посмотрел на живописный поселок в долине далеко внизу; кучка красочных домов во впадине между густо залесенными склонами с гранитными пиками, вздымавшимися так высоко, как только мог видеть глаз.

Сноу-Крик.

Дом.

Почти через десять лет он был оправдан в суде, и обвинения против него были сняты. Вот так, по решению судьи, он неожиданно вышел из тюрьмы и оказался на свободе, словно рыба, выпущенная из корзины в открытое море. Свободный человек, вольный идти куда угодно. Ни поручительства, ни условий освобождения. Никаких ограничений. Невиновен с точки зрения системы правосудия.

Но не с точки зрения жителей этого городка.

Хотя он покинул отделение максимально строгого режима в Кентской тюрьме, оставались люди, по-прежнему верившие в его порочность и в то, что его освобождение было

технической ошибкой, недосмотром полиции. На нем до сих пор оставалось клеймо насильника, преступника и убийцы. Он не был по-настоящему свободен... пока что.

Взгляд Джеба ненадолго остановился на квадратной часовой башне, поднимавшейся в центре городка посреди разноцветных крыш, и на обманчиво пологих склонах Медвежьей горы, где были проложены лыжные трассы. Ряд подвесных кабинок медленно двигался между базой в долине и Хрустальным пиком; оконные стекла поблескивали, когда ловили солнечный свет. Воздух был сухим и прохладным. Здесь, к северу от сорок девятой параллели, уже почти наступил день Благодарения, и курорт готовился к зимнему сезону, смазывая звездочки и ленточные тормоза лыжных подъемников, поддерживавших местную экономику. Потом наступит время грандиозных продаж лыжного снаряжения и одежды. Их называли «индейскими распродажами», и они привлекали массу лыжников из Ванкувера и штата Вашингтон; автомобили вставали в пробках на автостраде от моря до неба. Эта земля принадлежала предкам его матери и использовалась для охоты, но теперь превратилась в известный международный лыжный курорт под управлением семьи Бэнрок, которая разработала инфраструктуру лыжных трасс Медвежьей горы и владела большей частью недвижимости вокруг Сноу-Крик.

Бэнроки превратили снег на склонах этих гор в собственное белое золото.

Взгляд Джеба последовал вдоль линии подвесных кабинок до Тандерберд-Лодж, а затем перескочил на тысячи футов выше, к зубчатым гребням покрытых льдом горных вершин, паривших над сонным городком на фоне пронзительно синего неба.

Эти пики были мерилom необъятного пространства между землей и небом. Их уединенное и безмолвное величие манило его, как и необъятные шелестящие леса. Пока он стоял там, на него наконец снизошел покой. Ощущение принадлежности. Он мог навсегда раствориться в этом первозданном просторе, и ему ли понадобилось встречаться с другими представителями рода человеческого? Он бы солгал, если бы сказал, что не думал об этом, пока был заключен в тесной камере, до стен которой он мог дотянуться, просто раскинув руки. После всего лишь одного часа физических упражнений в день на протяжении почти десяти лет исчезновение в глуши определенно было привлекательным выбором. Но настоящее желание Джеба находилось в населенной людьми долине внизу. Этот городок был его главной целью, потому что кто-то в Сноу-Крик знал, где найти тело Мэрили Цукановой. Кто-то глубоко зарыл этот секрет, и Джеб был здесь, чтобы откопать его. Неважно, какую цену это будет иметь для него или для местных жителей.

Потому что, когда он найдет этого человека (или людей) – когда он найдет тело Мэрили, – то наконец сможет очистить свое имя. Его невиновность будет доказана. Тогда он будет

по-настоящему свободен и сможет встретиться со своей дочерью. Лишь тогда он позволит себе войти в ее жизнь. Таково было его обещание Софии и Питеру перед их гибелью, и они кое-что обещали ему в ответ.

Порыв ветра взъерошил его волосы, и Джеб повернулся лицом к нему. Индейское лето. Он уже почти забыл его вкус; эти ощущения, эти звуки. Шепот ветра в его ушах, голоса палой листвы, хрупкой травы, треснувших веточек, тихий шорох в пожелтевших от засухи вершинах хвойных деревьев. Такой диалог между человеком и природой мог произойти только после лютого мороза. Долина была абсолютно сухой и созрела для пожара. Или для дождя.

Джеб посмотрел на запад, где голубые озера, словно бусины, были нанизаны на извилистую нить Грин-Ривер. Его взгляд следовал по течению реки к тому месту, где долина резко сужалась перед базальтовыми скалами. Там находилась старая каменоломня.

Где все это началось девять лет назад.

Тогда тоже была осень, и купы золотистых лиственных крон украшали хвойное декольте горных склонов, где бежали бурные ручьи. Эми и Мэрили исчезли где-то после десяти вечера во время молодежной вечеринки в старой каменоломне. Эми нашли через неделю; у нее не сохранилось воспоминаний о том, что с ней случилось. Мэрили по-прежнему находилась где-то там.

Джеб глубоко вздохнул. Город будет сражаться с ним. Он

чужак, парень «с другой стороны» реки. Они будут наблюдать за ним и ждать, когда он оступится, чтобы снова упрятать его туда, где, по их мнению, ему самое место. Или хуже того. Они могут попробовать и это.

Но Джеб был готов. Он был похож на кижучей, косяки которых теперь поднимались по горным рекам: яростные воины с покрасневшими боками, пережившие прожорливых косаток и невидимые сети в водах Тихого океана, когда биологические рецепторы внезапно нацелили их на запах пресной воды и поставили на гибельный путь домой¹. Повинуясь инстинкту, эти рыбыны упрямо плыли против течения, разбиваясь о камни и водопады, чтобы вернуться в тихие горные пруды и озера для спаривания, последующей гибели и превращения в питательный бульон для их потомков.

Как и они, Джеб был глубоко привязан к этому месту. Здесь хранилось его наследие. Здесь находился его дом. Он не даст им снова отобрать все это у него. Он скорее умрет, чем вернется в тюремную камеру.

Звуки дорожного движения на автостраде за его спиной зловеще стихли, и сухой ветер снова зашелестел в кронах деревьев, шевеля и сгибая ветви, словно невидимый дух, пролетающий по лесу. Вместе с шелестом пришла другая мысль, которую он весь день старался не допускать в осознанное

¹ Кижуч – рыба семейства лососевых. Во время нерестового хода чешуя кижуча краснеет, пасть вытягивается и обнажает зубы. После нереста рыба гибнет (прим. пер.).

восприятие. Но внезапно она зашуршала, зашептала и затрещала, как пламя, на границах его разума.

Рэйчел.

Джеб знал, что она получила Куинн. Он знал, что она по-прежнему живет где-то в этой долине. Когда-нибудь, как только он очистит свое имя от подозрений, ему придется объясниться с Рэйчел, чтобы увидеть своего ребенка. Его кровь сильнее заструилась по жилам, когда перед ним возник образ ее лица в зале суда, выражение неприкрытой боли, исказившее ее черты. Его единственная вина была причиной этой боли. Он переспал с Эми в порыве жгучего разочарования, сопровождавшего его последнюю ссору с Рэйчел.

Бог знает, что он заплатил за это. Он платил за это каждый день, более девяти лет. Эми тоже заплатила дорогую цену. Как и Куинн, которой многое еще предстоит пережить самым сложным и непредсказуемым образом.

Джеб глубоко задышал. В эту долину вела только одна дорога. Время пришло.

Надев шлем, он вернулся к сделанному на заказ мотоциклу из вороненой стали и хрома. Он устроился в седле, снял машину с опорной подставки и завел двигатель мощностью в 400 лошадиных сил, завибрировавший у него между ногами. С ревом вернулся на автостраду, поддал газу своему металлическому зверю и легко обошел красный «Вольво», наслаждаясь кратковременной перегрузкой. Но когда Джеб въехал в пределы курорта, он замедлил ход. Это была терри-

тория полицейского участка Сноу-Крик, и он не мог позволить себе даже малейшей оплошности.

Он приблизился к первому перекрестку. Вывеска лесничества на обочине дороги объявляла об опасности лесных пожаров и запрете на разведение открытого огня. Джеб остановился на красный свет с рокочущим двигателем; его сердце вдруг гулко забилося в груди, во рту пересохло. Белые клочки семян иван-чая катались через дорогу, собираясь в мягкие наносы у бетонных дорожных ограждений и у дощатой кедровой стены ресторана «Паудер Хаунд». Это здание видело лучшие дни, но стояло до сих пор. На углу по другую сторону перекрестка находилась автозаправка «Хаски». Старая бензоколонка была снесена и перестроена в рустикальном, но высокотехнологичном стиле лыжного курорта. Красный «Вольво» притормозил рядом с ним. Женщина на пассажирском сиденье, лет около тридцати на вид, обернулась посмотреть на него. Она встретилась взглядом с Джебом, и он ощутил резкий выброс адреналина в кровеносную систему.

Он не был с женщиной после той ночи с Эми, когда ему было девятнадцать лет и когда его увели в наручниках. Ему исполнилось двадцать лет, когда дело дошло до суда, а после этого он отправился в тюрьму строгого режима. Теперь его возраст приближался к тридцати годам. Он мог выглядеть грубовато; время, проведенное в тюрьме, неизбежно сказалось на его внешности. Но в его жизненном опыте существо-

вал зияющий пробел, и до сих пор оставалась лишь одна женщина, близости с которой он хотел больше всего.

Женщина, которую он предал. Женщина, которая помогла упрятать его за решетку. Та, кого он никогда не получит.

Молодая мать в обтягивающих штанах для йоги перешла через улицу, толкая перед собой младенца в кресле-коляске. За ней трусил питбуль, прикрепленный поводком к ее запястью. Джеб подумал, не направляются ли они на травянистый пляж на берегу озера Виски и есть ли там до сих пор собачья площадка. Его мысли снова вернулись к Рэйчел.

– Джеб, ты собираешься уехать из долины после окончания школы?

Она лежала на спине с закрытыми глазами на досках нагретого солнцем причала; капли воды сверкали как бриллианты на ее ресницах и коже, покрытой пупырышками после купания. Ее соски четко проступали под крошечными желтыми треугольниками бикини. Его взгляд медленно скользнул вдоль ее тела, и он почувствовал возбуждение. Удовольствие. Жар жизни, бушевавший в его крови с каждым ударом сердца. Он взял мокрый теннисный мячик, валявшийся возле ее талии, и швырнул в озеро для Трикси, нового щенка породы бордер-колли, которого завел отец Рэйчел. Мячик с чмокающим звуком плюхнулся в воду.

– Зачем мне уезжать, если ты здесь? – прошептал он, склонившись над ее лицом.

Глаза Рэйчел распахнулись от этой внезапной близости.

Она заглянула ему в глаза, и ее взгляд потемнел от встречного возбуждения. Потом она внезапно взорвалась смехом, перекатилась набок, вскочила на ноги и побежала к дальнему концу причала, где нырнула в прозрачную воду. Джеб тоже вскочил, глядя на круги в том месте, где она исчезла, – проворная, как рыбка. Она появилась в двадцати ярдах от пристани и крикнула ему:

– Наперегонки до дальнего конца!

Потом она поплыла, разбрызгивая воду под ярким солнцем. Джеб наблюдал за ней, и что-то внутри подсказывало, что это продлится недолго.

Его вернула к реальности группа молодых сноубордистов в мешковатых штанах, низко опущенных на бедра, когда они вразвалочку перебежали через улицу, – вероятно, чтобы не свалились штаны.

Джеб почувствовал, что краснеет.

Все осталось таким же, но вместе с тем все было новым. Как будто его поставили на паузу, пока весь мир двигался вперед. Время, его юность, Рэйчел – все это было украдено у него. Тихий, подспудный гнев зашевелился в его груди.

Загорелся зеленый свет. Джеб агрессивно стартовал с места и снова обогнал «Вольво», но снова сбросил скорость до разрешенного предела, укротив свои чувства.

Как выяснилось, тяга к насилию возникает легко, когда ты постоянно находишься в гневе и заперт в клетке без надежды на освобождение. Но после нескольких ранних инцидентов

в тюрьме Джеб научился принимать свою судьбу и контролировать свое стремление к физической агрессии перед лицом угрозы. Вместо этого он направил свою энергию на получение ученой степени. Он стал находить удовлетворение в достижении маленьких целей.

Это был слабый, с трудом завоеванный контроль над собой, и теперь Джеб не собирался терять его. «Терпение, – думал он. – Думай, как охотник. Будь готов тихо лежать в засаде. Появятся трещины, через которые просочится свет».

Сначала Джеб собирался проехать через город и направиться на север в долину Вулф-Ривер – к своему старому дому и пяти акрам земли, оставшимся от матери. Он посмотрит, как обстоят дела, и откроет лавочку. Завтра у него было назначено интервью с редактором газеты «Сноу-Крик Лидер». Он не собирался прятаться от людей. Он хотел огласить свои намерения, поднять шум, смутить умы. Пролить свет на людей, которые захотели бы выдворить его из города. Но когда Джеб приблизился к повороту, ведущему к начальной школе Сноу-Крик, что-то сжалось в его руди и он быстро посмотрел на часы. Если школа до сих пор работала по старому графику, то сейчас близилось время перерыва на завтрак. Повинуясь внезапному порыву, он свернул налево с автострады и направился к начальной школе, обуреваемый желанием впервые в жизни увидеть свою дочь.

Джеб сбросил скорость у дорожного знака, обозначавшего границу школьной зоны, и покатился вниз по склону мимо

главного входа, направляясь к реке, где он рассчитывал повернуть обратно через соседний переулок и подъехать к задней части школьной территории, где бейсбольное поле примыкало к заболоченному участку леса. Дети часто приходили туда играть во время ленча, когда он учился в этой школе.

Он вернулся в жилой район и медленно проехал в тихое и спокойное место. На краю лужайки лежал небрежно оставленный красный скутер. Пластиковый автомобиль и дорогой мотоцикл стояли рядом на подъездной дорожке. Люди доверяли своим соседям. Малышка в коляске на крыльце весело болтала пухлыми ножками. Две матери беседовали через забор, пока малыши ползали в траве у их ног. Большие оранжевые тыквы с жуткими вырезанными рожами уже были выставлены в окнах, урожайные венки висели над дверями.

Матери оторвались от беседы и посмотрели на него, когда он проезжал мимо. Маленький терьер выскочил из ниоткуда и залаял ему вслед. Собака отбежала в сторону, когда Джеб обогнул поворот. Он припарковался в тупике рядом с маленьким парком с ярко раскрашенной игровой площадкой. Оставив шлем на седле мотоцикла, он прошел через парк к группе тополей, отделявших его от бейсбольного поля. Повсюду вокруг него сухие листья и пожелтевшие иглы звали к дождю. Когда он вышел за деревья, то сразу увидел здание школы, стоявшее на возвышении, с красно-белым флагом канадского кленового листа, трепетавшего на ветру.

Его отбросило в прошлое.

Ему было девять лет, и он стоял перед этим приземистым зданием, крепко держась за руку матери. Осенний ветер становился все более холодным и поднимал концы ее кос цвета воронова крыла, играя иссиня-черными локонами у висков.

Как будто это случилось вчера, Джеб испытал прилив противоречивых чувств. Жаркое предвкушение и беспокойство. Страх перед тем, что ожидает впереди. Это был его первый год в школе, первый раз, когда он пропустит осеннюю охоту вместе с отцом. Первый год, когда мать не будет заниматься с ним домашними уроками.

Тем сентябрьским утром она посмотрела на него, ободрительно сжала его руку и улыбнулась, но ее глаза были пятнами текучей черноты над высокими скулами, и они говорили о другом. В тот день Джеб не мог понять, о чем она говорила ему своим взглядом. Но теперь он понимал. Сожаление. Она привела его в начальную школу, чтобы спрятать его, защитить от того, что стало слишком темным и опасным в их собственном доме. В ту зиму она хотела держать его подальше от отца. Рыболовный сезон выдался совсем плохим. Очень мало лосося пришло к побережью, и это означало, что долгая зима будет тяжелее, чем обычно.

Так оно и вышло. Гораздо хуже, чем Джеб мог себе представить.

В том году девятилетнему Джебу пришлось защищать свою мать еще до того, как растаял снег.

Порыв ветра унес воспоминания, как горсточку желтых

листьев. Джеб опустился на деревянную скамью перед тополями. Далеко наверху над Хрустальным пиком пролетел вертолет. Он посмотрел на часы. Наступило время ленча, но пока что школьный двор оставался пустым и утреннее солнце пускало лучи через туман, поднимавшийся над болотом на северном краю поля.

Джеб на секунду закрыл глаза и вобрал в себя окружающее: воронье карканье, щебет воробьев, выклевывавших что-то в опавших листьях перед ним, крик одинокой болотной цапли. Запахи осени. Все, о чем он тосковал девять долгих лет.

Прозвенел школьный звонок, и из громкоговорителя раздался женский голос. Джеб распахнул глаза. Наверху, на травянистом склоне, дети посыпались из-за дверей школы, как жевательные конфетки в ярких обертках-курточках, разбегаясь в стороны от тропинки, направляясь в поля и луга. Его пульс участился. Он подался вперед, упершись локтями в бедра и вглядываясь в детские силуэты. Придет ли она сюда, как приходил он сам?

Узнает ли он ее?

Он годами ждал этого момента, — только ради того, чтобы увидеть ее. Живое, дышащее существо. Может быть, услышать ее смех, ее голос. Заглянуть ей в глаза.

«Просто смотри. Не подходи близко и не привлекай ее внимание. Пока не будешь свободен. Она не должна знать, кто ты такой... ты обещал это Софии и Питеру. И самому

себе. Твоему ребенку...»

Он заметил худую темноволосую девочку, целенаправленно продвигавшуюся к травянистому выступу. Она носила мешковатый свитер с яркими вязаными радугами, а ее волосы представляли собой массу необузданных локонов цвета воронова крыла, блестящих в солнечном свете. Таких же диких и необузданных, как природа Британской Колумбии. Как у ее отца. Она шагала, выдвинув плечи слегка вперед, словно защищаясь от окружающего мира. В руках она держала книгу и большой пакет для ленча.

Джеб лихорадочно пошарил в кармане и достал фотоальбом размером с бумажник. Он раскрыл его на последней фотографии, которую получил в тюрьме от Софии. Но он не посмотрел на фотографию. Его взгляд был прикован к темноволосой девочке, которая поднималась между рядами бейсбольной трибуны и устроилась на средней скамье. Она поставила бумажный пакет рядом с собой, раскрыла его, достала сэндвич и принялась за еду.

Шишковатые коленки под джинсами, худые ноги, слишком длинные для ее тела. Словно жеребенок. Она жевала, поглядывая, как голубые сойки начали собираться вокруг нее, пронзительно клекоча в попытке получить еду. Она отломил кусок хлеба и бросила им; ярко-голубые птицы с криками устремились за добычей. Но при этом она не отрывалась от книги.

Каждой молекулой своего тела он верил, что это она.

Куинн. Его дочь.

Его кровь в ее жилах.

Ее ДНК, использованное для его приговора...

В голове у Джеба раздался глухой рев – звук столкновения прошлого, настоящего и будущего. Он стиснул миниатюрный фотоальбом в кулаке, сдерживая неутолимое желание подойти ближе и поговорить с ней.

Пастор в тюрьме сказал ему, что однажды наступает время, когда человек считает, что все кончено. Но все только начиналось.

Эта маленькая девочка была лишь началом.

Она была причиной всего, что он собирался сделать теперь.

Глава 3

Пока Джеб наблюдал за девочкой на трибуне бейсбольного поля, образ родной матери Куинн взвихрился перед его мысленным взором, и он мгновенно оказался в том самом зале суда, а Эми стояла у свидетельской скамьи, наклонив голову, и упавшие на лицо рыже-золотистые волосы скрывали ее профиль. Она выглядела очень бледной и худой, несмотря на поздний срок беременности. Джеб ощутил беспощадный укол памяти. От своих адвокатов он узнал, что младенца, скорее всего, отдадут под частную опеку в приемную семью и что его родительские права будут аннулированы в случае признания его виновности. Хотя тест ДНК плода подтверждал его отцовство, ему ничего не сказали о поле будущего ребенка.

Он чувствовал растущее напряжение в зале, когда прокурорша начала свою речь:

– ...В ночь исчезновения Эми Финдли и Мэрили Цукановой обвиняемый Джебедия Каллен испытывал сильную половую неудовлетворенность и находился в ярости, – обратилась она к присяжным. – Почему он был так распален? Потому что предыдущим вечером, до вечеринки в старом карьере, его подруга Рэйчел Салонен прекратила их отношения после жаркого спора из-за секса. – Женщина сделала паузу, чтобы поочередно посмотреть в глаза присяжным. – Из-

за секса, – с нажимом повторила она. – В тот вечер Джебедия Каллен, по собственному признанию, пошел на вечеринку только потому, что хотел поговорить начистоту с Рэйчел Салонен. Свидетели утверждают, что он пришел уже рассерженным, а когда он увидел, что Рэйчел Салонен целует Трэя Сомерленда, его ярость усилилась.

Она отвернулась и указала на скамью подсудимых. Взгляды присяжных устремились туда.

– Этот человек с детства отличался склонностью к насильственному поведению, – заявила она. – Рэйчел Салонен может засвидетельствовать мои слова. Мы также выставим свидетелей, которые докажут, что в тот вечер Джебедия Каллен словесно угрожал Рэйчел Салонен и Трэю Сомерленду. Мы предоставим неопровержимые доказательства того, что Эми Финдли и Мэрили Цуканова находились в автомобиле Джебедии Каллена, когда он уехал из карьера около десяти часов вечера. У нас есть свидетели, которые видели Финдли и Цуканову в автомобиле Каллена, когда он проехал по мосту через Грин-Ривер и повернул на север, на шоссе № 99.

Она помедлила и заговорила тише:

– Через семь дней Эми Финдли нашли в двадцати километрах к северу от старого карьера, возле железнодорожных путей, – полуобнаженную, избитую и потерявшую память о том, что с ней произошло. На ее шее были отметины от веревки, совпадавшие со скалолазным снаряжением Каллена, обнаруженном в его автомобиле. Медицинское обследо-

вание показало, что Эми Финдли была жестоко изнасилована и беременна от Каллена. В его машине была обнаружена пустая блистерная упаковка флунитрозепама, также известного как рогипнол, излюбленного средства насильников, которое, по свидетельству медицинских специалистов, может объяснить потерю памяти у Эми Финдли. Упаковка находилась в кармане толстовки, покрытой кровью Мэрили Цукановой, которая до сих пор числится пропавшей без вести. Ее волосы и одна из сережек, которые она носила вечером перед похищением, тоже были найдены в машине Каллена. Как и ролик клейкой ленты. Этот человек, — она снова указала на Джеба, — ...этот человек явился подготовленным к тому, что произошло потом. Он *запланировал* изнасилование и похищение. Он известен чрезвычайной склонностью к насилию с самого раннего возраста. Этот человек был разъярен отказом в сексуальных отношениях со своей подругой. И мы докажем, что этот человек обладает психологическими признаками социопата.

Джеб глубоко вздохнул, стараясь остановить яркие образы из прошлого, но они все равно пришли к нему.

— Эми Финдли, это тот самый человек, который изнасиловал вас?

— Возражаю! — воскликнул адвокат и вскочил на ноги. — Свидетельница уже показала, что у нее не осталось воспоминаний о происшествии...

— Возражение принято. Я перефразирую вопрос. Мисс

Финдли, тот человек, который находился с вами в момент зачатия и чье отцовство по отношению к вашему ребенку подтверждено медицинскими исследованиями, находится в этом помещении?

В зале становится тихо. Джеб чувствует запах пота и чувствует взгляд своей матери, обращенный на него. Рэйчел тоже смотрит на него. Журналисты смотрят на него.

Эми молча кивнула.

– Прошу свидетельницу ответить вслух через микрофон.

Эми медленно поняла голову. Ее слезящиеся глаза, обрамленные красными кругами, посмотрели в его сторону. У Джеба сжалось сердце. *Скажи им, Эми. Черт побери, пожалуйста, скажи это! Пожалуйста, вспомни!*

Несколько долгих секунд она глядела на него. Струйка липкого пота сползала по его хребту.

– Да, – тонким голосом ответила она. – Это он.

По залу пробежали шорохи и шепоты. Один репортер покинул свое место и поспешил к выходу. Джеб слышал тихие всхлипывания. Он не знал, кто это – его мать или Рэйчел, – и не мог смотреть туда.

– Прошу отметить, что потерпевшая опознала личность обвиняемого, Джебедии Каллена.

Даже сейчас липкое и маслянистое ощущение тяжести в животе не покидало его, когда он всем своим существом услышал приговор.

Виновен.

Эхо этого слова отдалось в его голове.

Виновен.

На основании изнасилования, причинившего телесный вред...

Виновен.

На основании насильственного удержания против чужой воли...

Виновен.

Пот промочил его насквозь, но в сердце собирались холодная, тихая решимость и сосредоточенность.

Две женщины расстались с жизнью. Хотя Эми физически пережила изнасилование, оно повредило ее психику. Девять долгих лет она пребывала в своеобразной тюрьме. Потом наконец сломалась. Она покончила с собой в Сноу-Крик вечером перед тем, как Питер и София погибли у себя дома во время пожара в Ванкувере. Джебу не нравилось это совпадение. У него были свои соображения насчет самоубийства Эми и пожара в доме. Он приехал сюда, чтобы найти ответы.

Он приехал ради возмездия. Ради восстановления своих прав. И он собирался начать с расследования жизни четырех мужчин, которые оболгали его в суде: Леви Банрока, Клинта Руджера, Харви Зинка и Люка Лефлера.

В его сознании всплыло еще одно воспоминание о судебном процессе. Леви Банрок стоял на месте свидетеля, а прокурорша задавала вопросы.

– Кого вы видели в автомобиле вместе с Джебедией Кал-

леном?

Леви старался не смотреть на скамью подсудимых.

– Я видел там Эми Финдли и Мэрили Цуканову.

– Вы уверены, что это были они?

Леви откашлялся и кивнул.

– Да, они проехали мимо нас, когда мы сидели под деревьями. Эми выглянула из окошка, помахала и окликнула нас.

Тело Джеба напряглось. Это была ложь, разве нет?

Он не помнил Люка или кого-то еще, сидевшего под деревьями в тот вечер. Он не помнил, чтобы Эми кому-то махала рукой или окликала кого-то. Но это не точно. Он слишком много выпил. Его воспоминания изобиловали пробелами. Он был так сердит на Рэйчел, что не мог сосредоточиться.

– Что вы видели потом? – спросила женщина.

Леви снова откашлялся.

– Я видел автомобиль, ожидавший у железнодорожного переезда, пока пройдет поезд. Когда поезд прошел, Джеб переехал через пути и повернул на север по автостраде.

– Эми Финдли и Мэрили Цуканова по-прежнему сидели в его автомобиле?

– Да.

К горлу Джеба подступила тошнота. Его глаза горели, руки дрожали. Это была ложь, проклятая ложь! Он *не поворачивал* на север. Девушки вышли из его автомобиля после железнодорожного переезда. Он направился домой, на юг.

Один. Он был совершенно уверен в этом.

Следующим вызвали Клинта Руджера. Один за другим все четверо дали одинаковые показания. Они сказали судье, что Джеб повернул на север с двумя девушками в автомобиле.

Джеб чувствовал себя тонущим человеком. Он набрал побольше воздуха в легкие, освобождаясь от воспоминаний.

Либо один из них, либо все они защищали себя или кого-то еще – того, кто знал, где можно найти тело Мэрили Цукановой.

Эти люди не только сговорились между собой, чтобы оболгать его. Они похищали его ребенка.

Из-за них он больше не сможет взять на руки своего малыша.

Он пропустит первую улыбку, первый прорезавшийся зуб, первые шаги... первые именины. Ребенок вырастет с верой в его вину. С верой в то, что отец оказался преступником.

А Рэйчел? Теперь она навсегда потеряна для него.

Джеб гадал, не приготовила ли Рэйчел этот сэндвич для Куинн, когда собирала ее в школу сегодня утром. Ее руки. Ее забота. Его ребенок. Джеб глубоко дышал, стараясь контролировать свое дыхание, пульс и мелкие вспышки ярости.

Ничто не закончилось. Нигде и никогда. Ему не вернуть утраченные годы. Он не мог и мечтать о том, чтобы вернуть Рэйчел. Но эта девочка, склонившаяся над своим завтраком на бейсбольной трибуне, – она была причиной его жажды справедливости. Не мести, но законного возмездия.

Зло нужно было исправить. Кто-то должен был заплатить за содеянное. Он не позволит ей вырасти с осознанием того, что ее отец был насильником и убийцей.

Пока он смотрел, несколько девочек направились к трибуне бейсбольного поля. Все они были блондинками с прямыми волосами, одетыми по последней моде. Маленькие клоны, отлитые в соответствии с очередным культурным образцом и опасно балансировавшие на грани между детством и наступлением половой зрелости. Они были старше, чем девочка на трибуне, и Джебу не понравился их язык жестов и обмен многозначительными взглядами. Стайка хищниц, набиравшихся смелости друг у друга, чтобы подобраться к добыче.

«Как на прогулке в тюремном дворе», – подумал он и машинально напрягся, выискивая характерные признаки того, что дело может обернуться плохо, если намеченная жертва позволит так поступить с собой.

Но девочка на трибуне почувствовала их приближение и приподняла голову, не вступая в зрительный контакт. Она положила недоеденный сэндвич в коричневый пакет, закрыла книгу, встала и ровным шагом направилась вниз между рядами скамей. Потом пошла по траве, удаляясь от блондинок и направляясь к гравийной дорожке, которая уходила к лесистому холму в дальнем конце бейсбольного поля.

Блондинки последовали за ней.

Сердце Джеба ушаченно забилося. Он вскочил со ска-

мейки и быстро пошел по грунтовой тропе, ведущей к болоту вдоль внешней границы поля. Он был хорошо знаком с местной юрисдикцией: бейсбольные поля находились в собственности и финансировались курортным муниципалитетом Сноу-Крик. Школьный округ платил за их использование. Джеб имел право находиться на поле, но предпочел обходной путь.

Темноволосая девочка исчезла в лесу. Группа блондинок остановилась под большим дубом среди желто-рыжей палой листвы. Они болтали друг с другом и бросали взгляды в сторону школы, откуда дежурные старшеклассники наблюдали за поведением младших. Одна из девочек закурила сигарету и передала ее подруге. По мнению Джеба, им было не больше одиннадцати-двенадцати лет.

Он быстро поднялся в рощу по тропе, собираясь найти девочку, которую считал своей дочерью. Тропа выходила на пешеходную дорожку. Девочка находилась там, поглядывая налево и направо; она перешла улицу и направилась к маленькому магазину в конце дороги.

Джеб осмотрелся вокруг. Автомобили стояли на подъездных дорожках и возле тротуара. Лыжные шале в старом швейцарском стиле выглядели пустыми. На улице никого не было. До начала курортного сезона оставалось еще немного времени.

Джеб пошел следом. Он понимал, что не стоит этого делать, но физически не мог потерять из виду свою дочь, после

того как наконец увидел ее. Как будто если сейчас она скроется за углом, то он навсегда потеряет ее. Сознательная часть его разума хотела удостовериться, что это на самом деле она.

Она шла быстро. Джеб оценивал внешние признаки: походка, форма стройного тела, посадка головы, напряженность плеч. Боялась ли она этих девочек? Горевала ли она по Софии и Питеру, единственным родителям, которых она когда-либо знала? Скучала ли по старой школе, по подругам, по своему дому?

Споткнувшись на плитке, вспучившейся от недавних морозов, она уронила свой пакет с ленчем. Книга, которую она держала в руке, упала и раскрылась.

Повинуясь интуиции, Джеб молниеносно бросился вперед и подобрал пакет и книжку. Он мельком заметил имя, написанное на внутренней стороне обложки: *Куинн Маклин*.

Это была она.

Он быстро оглянулся, чтобы убедиться в отсутствии слежки.

– Эй, ты кое-что уронила, – сказал он, стараясь унять сердцебиение и говорить непринужденно.

Он протянул ей пакет и книгу. Она настороженно смотрела на него, плотно сжав губы.

Джеб улыбнулся и заглянул ей в глаза. Это были его глаза... и глаза его отца. Темно-синяя, почти фиолетовая глубина ирландского взгляда. Мелкая россыпь веснушек на переносице. У Джеба подгибались колени.

– Спасибо, – пробормотала она, когда забирала книгу и пакет. Что-то внутри него благоговейно замерло при звуках детского голоса дочери. У него щипало глаза.

Она отвернулась и пошла немного быстрее. Джебу так хотелось немного побеседовать с ней, что он догнал ее.

– «Школьные годы», да? – спросил он, имея в виду название ее книги.

Она крепче прижала книжку к груди и пошла еще быстрее.

– Мой любимый персонаж – это Рэйн.

Она замедлила шаг и смерила его оценивающим взглядом.

– Вы читали эту книгу?

Джеб улыбнулся.

– У меня было много свободного времени для чтения книг. Некоторые были хорошими, другие ужасными. Но эта мне понравилась.

Она нахмурилась, когда ее взгляд остановился на татуировке у него на шее.

– Вы читаете книги для восьмилетних детей?

Джеб сглотнул. Он прочитал все книги, которые, по словам Софии, читала Куинн. Он развесил ее школьные рисунки на стенах камеры вместе с медалью дочери, которую выпросил у Софии. Он знал любимый цвет своей дочери, ее любимую еду и любимые телешоу.

Он усмехнулся.

– Как я говорил, у меня было много свободного времени.

Она немного успокоилась и оживилась; любопытство постепенно приходило на смену осторожности. Джеб приободрился.

– В прошлом году нам задали эту книгу для внеклассного чтения, – сказала она.

– И ты перечитываешь ее?

Девочка кивнула.

– А почему тебе нравится Рэйн? – спросила она.

– Потому что она маршировала под бой своего барабана.

Она покосилась на него, приподняв одну бровь.

– А мне нравится Кэп.

– Почему он?

Она пожевала нижнюю губу.

– Потому что у него не было отца и матери и ему пришлось уйти из дома. Он был *другой*, и все смеялись над ним. Но он был героем. Он все изменил в школе, когда спас водителя автобуса. Тогда все стали уважать его.

– Да, – тихо сказал Джеб, у которого вдруг засосало под ложечкой. – Кэп настоящий герой. Он был один против многих, но он не сдался.

Глаза Куинн засияли от сдерживаемых чувств, а ее губы слегка задрожали.

– Эй! – Джеб пошел вперед, и она поравнялась с ним. – Я не хотел расстроить тебя. Насчет книги или чего-то еще.

Она покачала темными локонами.

– Ничего особенного.

– Ты идешь домой позавтракать?

– Я живу слишком далеко от школы, чтобы возвращаться домой на ленч.

– Правда? Выше по течению на Вулф-Ривер?

– Нет, на Грин-Лейк.

Его сердце дало сбой. Старый дом Салоненов.

– Должно быть, твоим родителям нравится жить у озера, – сказал он. – Там очень красиво. Я знал людей, которые жили там раньше.

– Мои родители умерли.

Ее ровный, бесстрастный тон поразил его. Он замялся.

– Сейчас я живу у моей тети, – пояснила она. – На какое-то время.

– А потом?

Она пожала плечами и прошла по изумрудно-зеленому газону перед крошечным магазином в виде бревенчатой избушки. Три ступеньки вели на узкое крыльцо, которое тянулось по всей длине здания. К свесу крыши была прикреплена корзинка с белыми и алыми цветами, а кобель хаски разлегся рядом с дверью под лучами осеннего солнца.

Она поднялась по деревянным ступеням, шлепая ботинками. Хаски поднял голову и смерил их взглядом разноцветных глаз – молочно-голубого и карего, – а потом с тихим собачьим вздохом уронил голову на лапы. Впечатление Джеба было внезапным и ошеломительным. Все эти мелочи: от-

тенок травы, цветы в корзинках, собачий вздох на солнце – в тюрьме превращались в полузабытые воспоминания, а удовольствие стиралось из памяти.

Куинн толкнула входную дверь, и наверху звякнул колокольчик. Джеб последовал за ней. Парень за стойкой едва взглянул на них; он деловито набирал текст на мобильном телефоне. Джеб заметил камеру наблюдения с непрерывной записью и рефлексивно отвернулся.

Он приобрел свежий номер «Сноу-Крик Лидер», а Куинн нашла нужные ей сладости, включая палочку черной лакрицы. Она положила свои покупки на стойку, где продавец выбил чек и сложил все в пакет. Пока Куинн шарила в карманах, Джеб выложил деньги на стойку. Парень встретился с ним взглядом, на секунду замялся, но не более того. Никаких признаков узнавания – да и с чего бы? Должно быть, этому юноше было не больше десяти лет во время происшествия с Эми и Мэрили. Если он вообще находился в городе.

– Спасибо, приятель, – сказал парень и отсчитал сдачу.

Австралийский акцент. Скорее всего, он пробыл на курорте не более двух сезонов. Тем не менее Джебу пришлось напомнить себе, что он здесь не для того, чтобы прятаться от людей. Он был здесь ради того, чтобы встряхнуть город и заставить жителей призадуматься.

Куинн удивленно смотрела на Джеба.

– Эй, – он пожал плечами и сунул газету под мышку. – У меня просто оставалась ненужная мелочь.

Она удержала его взгляд, видимо, размышляя о том, стоит ли принимать подарки от незнакомого человека. Потом застенчиво улыбнулась и взяла пакет со стойки.

– Спасибо.

Джеб открыл дверь и выпустил ее на улицу. Она бойко поскакала с крыльца, и он решил, что она преодолела настороженность по отношению к нему. Наверное, это был мятежный дух, хорошо знакомый ему самому: подружиться с длинноволосым незнакомцем в кожаной куртке и с татуировкой на шее. А может быть, это была потребность в дружелюбии и внимании после жестокой утраты и переезда на новое место.

Она направилась обратно к школе, посасывая лакричную палочку.

Джеб колебался. Теперь было нужно развернуться и уйти. У него еще будет время для общения с дочерью. Но когда после стольких лет наконец видишь своего ребенка и слышишь его голос... это было как действие мощного наркотика, как неутолимая жажда. Она оглянулась и послала ему еще одну застенчивую улыбку. Его сердце дрогнуло, и он тронулся за ней.

Только до бейсбольного поля, внушал он себе. Только чтобы убедиться, что малолетние хищницы ушли. Только до тех пор как он не увидит, что она беспрепятственно возвращается в школу.

Только еще одну... как поступал его отец со своей выпив-

кой...

– Могу поспорить, что твои дядя и тетя обрадовались твоему приезду, – сказал он. – Пусть даже временному.

– Моя тетя не замужем. – Она куснула лакричную палочку. – Она собиралась жениться, но дружок бросил ее после того, как я переехала к ним.

Его сердце снова дало сбой. *Рэйчел не замужем?*

– Как его зовут?

Она покосилась на него, и в ее темно-синих глазах мелькнуло подозрение. Тем не менее она ответила.

– Трэй. Я ему не нравлюсь, и он ушел из-за меня.

Ох. Воспоминание было похоже на удар. Трэй Сомерленд на месте свидетеля в суде. Трэй, целующий Рэйчел в гравийном карьере. Трэй, залезающий ей под свитер...

Рэйчел и Трэй, причина его гнева и обиды в тот вечер. После этого все пошло к чертям.

– Конечно, он не потому ушел от твоей тети, – выдавил Джеб.

Она безразлично пожала плечами, направляясь в лесную рощу по тенистой дорожке.

– Значит, вы с тетей живете одни на Грин-Лейк?

– Ага.

– А... там еще кто-нибудь живет? Скажем, в лодочном домике?

– Нет. Только старый пес моего деда, пока тот не умер.

Сеппо Салонен умер? Джеб обуревали противоречивые

чувства. Должно быть, поэтому Рэйчел поселилась в доме у озера. Одна, вместе с Куинн. Кровь бушевала в его жилах, как шипучее вино, не находя выхода. Внезапно он пожелал невозможного.

Он пожелал Рэйчел.

Черт побери, ему хотелось получить все и сразу. Его желания превращались в неодолимую потребность, размывая его сосредоточенность, разрушая ясность мыслей. Он хотел получить все обратно.

Они достигли конца лесной тропинки и вышли на поле. Она остановилась и посмотрела на него снизу вверх.

– Спасибо, – искренне сказала она, видимо, приняв определенное решение по его поводу. – За сладости... и остальное.

– Пусть это останется секретом, ладно?

Она еще секунду смотрела на него, потом быстро кивнула и пошла к школе. Он наблюдал за ее размашистой походкой и темными волосами, блестящими на солнце.

– Когда угодно, – прошептал он. – В любое время, Куинн.

Он слышал школьный звонок, когда стоял в тени с газетой под мышкой. Его мир совершенно изменился. В конце концов, ради этого он приехал сюда.

Но осторожность нашептывала ему советы в шорохе сухих сосновых иголок под дуновением ветра. Один неверный шаг, одна искра, и все исчезнет в огненном смерче. Он может навсегда потерять ее.

Он не должен возвращаться сюда.

Он не должен снова встречаться с ней, пока все не закончится.

Но когда Джеб обходил нижний край поля, направляясь к своему мотоциклу, он заметил группу блондинок, вышедших из-за ствола старого дуба. Затушив сигареты и тихо переговариваясь друг с другом, они пошли через поле по кратчайшей траектории наперерез Куинн.

Девочка увидела их приближение и пошла быстрее. Она была меньше и младше, чем они.

Джеб застыл на месте, глядя, как группа миновала травянистый взгорок и устремилась за добычей. Они тесно сомкнулись вокруг Куинн и заставили ее остановиться.

Джеб вздрогнул, когда одна из старших девочек выхватила пакет со сладостями из рук Куинн. Другая украла лакричную палочку и издевательски помахала ей, когда Куинн протянула руку.

Еще одна девочка поставил подножку и опрокинула Куинн на землю. Она распростерлась на гравийной дорожке, книга отлетела в сторону и раскрылась.

Ярость была жаркой и моментальной. Почти ослепительной, словно электрический разряд, пробежавший по нейронным каналам и отключивший логический центр мозга. Джеб со всех ног побежал по полю. Его шейные мышцы напряглись, как провода, поле зрения сузилось. Вверх по склону, на школьную территорию.

Одна из девочек указала пальцем на Куинн и ощерилась в ухмылке, когда девочка поднялась на колени. То, что она сказала, пригвоздило к месту его дочь. Она на секунду замерла, глядя на блондинку и пытаясь переварить услышанное.

– Нет! – крикнула Куинн. – *Это неправда!*

Девочки рассмеялись. Джеб увидел перемену в дочери за мгновение до того, как она сжала кулаки. Куинн вскочила на ноги, нагнула голову и врезалась прямо в живот блондинке, ударив ее с такой силой, что та оторвалась от земли и шлепнулась на спину с разлетевшимися волосами.

Куинн развернулась, как дикая кошка, готовая напасть на остальных, но они повернулись и побежали к школе, вопя об учительской помощи. Куинн обратила свою ярость на упавшую девочку и подняла ногу, собираясь лягнуть ее в живот. Блондинка с окровавленным носом поднялась на четвереньки и поползла по гравию, прежде чем взять низкий старт и умчаться к школьному зданию.

Джеб поставил Куинн на ноги и развернул лицом к себе. Он опустился на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с ее лицом, и обхватил ее костлявые плечи. Она дрожала в его руках. Ее лицо побелело, как бумага, слезы проторили дорожки на щеках. Но в ее глазах сверкала ярость, и она стиснула зубы.

– Куинн, – тихо сказал он, заметив двоих учительниц, которые вышли из школы и направлялись к ним. Девочка вы-

глядела совершенно растерянной, и Джеб встряхнул ее.

– Куинн! Смотри на меня, слушай меня.

Ее зрачки немного сузились. Она тяжело дышала.

– Я понимаю, я *действительно* понимаю, что иногда нужно бить в ответ. Но что бы они ни сказали тебе и как бы они тебя ни обзывали, – это не повод для насилия. Никогда. Ты должна мне поверить. Я прошел через это, и я знаю. Что бы они ни говорили, насилие не работает. Оно лишь возвращается к тебе.

Ее глаза медленно вошли в фокус, и она встретила с его взглядом. Снова потекли слезы. Ему хотелось немедленно забрать ее отсюда, убежать вместе с ней. Защитить ее... Но Джеб не смог бы защитить даже себя, а тем более указывать на их родство. Как бы то ни было, он нарушил свое первое правило. Его застали вместе с ребенком на школьной территории.

– Эй, вы! – крикнула одна из учительниц. Они приближались по гравийной дорожке, их юбки и волосы развевались на ветру.

– Иди! – Он подтолкнул ее. – Но помни: нужно быть умной. Нужно быть лучше, чем они. Ты достанешь их по-другому – как Кэп в этой книжке Кормана. И знай, что... – он не мог удержаться и даже не заметил, как слова вырвались из его рта, – ...знай, что я всегда буду готов помочь тебе. Поняла? Всегда.

С этими словами он оставил ее там. Он быстро спустился

с пригорка, прошел мимо скамьи, где сидел раньше, и скрылся за деревьями. Там, в тени, он остановился и оглянулся назад.

Учительницы приблизились к Куинн. Одна из них опустилась на корточки и заговорила с ней. Другая вышла на пригорок и посмотрела в его сторону, прикрыв глаза ладонью от солнца.

Он стоял неподвижно, скрываясь в тени, но содрогался изнутри.

Впервые в жизни он прикоснулся к своей дочери, к своей плоти и крови. Он сжимал ее узкие, но сильные плечи своими мощными руками, чувствовал ее сердцебиение и видел пульс у нее на горле. Слышал звук ее голоса, видел ее улыбку.

Был свидетелем ее воли и решительности.

Его переполняла чисто животная потребность, причинявшая физическую боль; ему хотелось вернуть и провозгласить свое право на нее. Защитить ее. Сейчас у его дочери больше никого не было. Никто не мог так понимать ее мысли и чувства.

Учительница обняла Куинн и повела ее в школу, склонив голову и продолжая разговаривать с ней.

Теперь возможные последствия пугали его. В стремлении защитить свое дитя, помешать ей причинить вред другим при самообороне, он втянул ее в опасную орбиту, и эта наблюдательница на пригорке была лишь началом его неприятностей.

Глава 4

– Наша роза, возросшая среди шипов, – говорит Леви Бэнрок и обнимает меня за талию, привлекая к своей высокой, спортивно сложенной фигуре. Я улыбаюсь на камеру, и известный фотограф из «Сан» делает несколько снимков. Я стою между Леви справа от меня, мэром и местными индейскими вождями слева от меня.

– Пожалуйста, встаньте немного ближе друг к другу, – просит фотограф. – Мне хочется запечатлеть фреску Рэйчел позади вас.

Он имеет в виду огромную стилизованную картину с моим изображением на стенной панели между высокими окнами Тандерберд-Лодж. Из окон открывается головокружительный вид на лыжные трассы, сбегаящие вниз по склонам к городку в долине, далеко внизу.

На картине я облачена в гоночный костюм со шлемом. Я штурмую трассу гигантского слалома, которая принесла мне золото на Туринской Олимпиаде. До того, как я провалила следующие соревнования. До того, как все закончилось.

Мне повезло выжить, когда меня прикатали домой в инвалидном кресле после нескольких хирургических операций в Европе, и я старалась храбро улыбаться с золотой медалью на шее от предыдущих соревнований, когда фотографы обступили меня в международном аэропорту Ванкувера. Их

падшая девятнадцатилетняя героиня. Мне понадобилось два года, чтобы снова научиться ходить. Это мое здешнее наследие: золотая медаль и рухнувшие надежды. И все из-за Джеба. Незадолго до начала вторых соревнований репортер спросил меня о его приговоре и о той роли, которую я сыграла в его тюремном заключении. Боль от измены Джеба и от моей собственной вины глубоко врезалась в мое сознание. Я утратила сосредоточенность уже перед стартовыми воротами.

Я рывком возвращаюсь к настоящему и моргаю, когда срабатывает вспышка. Мне не по себе; три дня назад я услышала в новостях, что Джеба отпустили на свободу. С тех пор я нахожусь в подвешенном состоянии. Я хочу только одного: покончить с перерезыванием финишных ленточек. Я хочу вернуться к Куинн. Мне известно, что Джеб не знает о ней, но глубоко внутри я не могу избавиться от дурного предчувствия. Но мне нужно работать. Быть матерью-одиночкой, спасти газету от банкротства и выбираться из финансовой ямы, куда меня загоняют налоги на недвижимость.

Моя спортивная слава и позиция издательницы «Сноу-Крик Лидер» обеспечили приглашение на торжественное мероприятие по открытию трассы и первому вояжу на новенькой канатной гондоле «от вершины к вершине» над раселиной между Медвежьей горой и Маунт-Баррен на другой стороне. Среди почетных гостей на церемонии присутствуют член местного парламента и министр туризма. Мой штат-

ный фотограф Холли Шерман делает групповые снимки людей, позирующих перед красной ленточкой, натянутой поперек стеклянных дверей, которые ведут на посадочную платформу. По обе стороны от ленточки стоят полицейские в парадных мундирах, включая стетсоновские шляпы с широкими полями, галифе, высокие сапоги из коричневой кожи со шпорами и штатное оружие в кобурах на офицерской португее. Их наряд – дань уважения Канадской конной полиции. И еще один способ для привлечения туристов в Сноу-Крик.

Джефф, один из моих репортеров, болтает с кудрявой блондинкой. Когда она поворачивает голову, по моей спине пробегает зловещий холодок. Это Пайпер Смит, местный экстрасенс, и мне непонятно, почему она получила приглашение.

Пайпер впервые приехала в Сноу-Крик пять лет назад для съемок документальной драмы «Пропавшие девушки» в телешоу СВС «Настоящее преступление». Потом она вернулась в Сноу-Крик и вышла замуж за сводного брата Мэрили, с которым познакомилась во время съемок. Я всегда чувствовала себя неуютно в ее присутствии. Возможно, потому, что она как будто видела меня насквозь, когда пыталась расспрашивать меня о Джебе несколько лет назад. Передо мной оживают первые кадры документальной драмы: актриса в образе Эми босиком идет по железнодорожному пути, а вокруг падает снег. Ее волосы слиплись от крови, лицо призрачно-белое, глаза похожи на черные дыры. Это сделал

Джеб, а теперь его выпустили из тюрьмы. Мои руки покрываются гусиной кожей. Я растираю их и наблюдаю за Пайпер.

– Он не вернется сюда, – произносит голос возле моего уха.

Я вздрагиваю.

– Боже мой, Леви, ты напугал меня.

Он тоже смотрит на Пайпер.

– Каждый раз, когда я вижу ее, то думаю об этой вступительной сцене.

Я сглатываю слюну.

– Понимаю. Но почему ты так уверен, что он не вернется?

Он облизывает губы, по-прежнему не отрывая взгляда от Пайпер в толпе гостей.

– Он не такой дурак, чтобы подписать себе смертный приговор. Что ему может понадобиться здесь?

– Но ты думаешь об этом, иначе не стал бы говорить.

Леви поворачивается и несколько секунд смотрит на меня. Мне не нравится нервозность в его глазах. Вместе со мной, Трэм и тремя другими одноклассниками мы дали свидетельские показания против Джеба. Обвинительный приговор был вынесен почти исключительно на основе этих показаний.

– Что, если он захочет отомстить? – говорю я.

– Он не осмелится пойти на такой риск. Если Джеб Каллен сунет нос в этот городок, его схватят и четвертуют на месте. Он должен знать об этом.

Я набираю в грудь побольше воздуха и киваю.

– Эй, все будет хорошо, – весело говорит Леви и берет меня за руку. Зеленые глаза сияют его фирменной улыбкой. – Пошли, уже наступает время для речей, и нужно покончить с этим цирком. – Однако он медлит. – Мы все готовы помочь тебе, Рэйчел. Ты можешь звонить любому из нас, в любое время.

– Что ж, это утешает. Но с одной стороны, ты говоришь, что он не вернется сюда, а с другой – думаешь, что он может явиться за мной?

– Этого не случится. – Он обнимает меня за плечи и легонько подталкивает к помосту. Я смотрю, как Леви и его брат-близнец Рэнд поднимаются на маленькую импровизированную сцену и встают рядом со своим отцом. Хол «Скала» Бэнрок берет микрофон и благодарит всех за прибытие. Он произносит речь о геркулесовых подвигах строителей канатной трассы «от вершины к вершине» и о том, что теперь сюда повалят туристы со всего света – как зимой, так и летом, – которые обеспечат небывалый рост экономики города и провинции в целом. За стеклянной стеной от пола до потолка у него за спиной хлопают на горном ветру флаги многочисленных стран.

Ему бы лучше поторопиться с этой речью, или ветер станет слишком сильным для канатной переправы. Я смотрю на часы. Теперь я уже не просто нервничаю; мысли о Джебе наполняют меня неопределенной тревогой. Леви только ухуд-

шил положение, когда старался успокоить меня.

Я снова гляжу на флаги в попытке отвлечься, а потом мой взгляд смещается вверх, к неприступному гранитному монолиту Хрустального пика. Белые кварцевые полосы, пересекающие крутой склон, искрятся на солнце. Под этим световым углом ясно видны тросы и металлические лестницы *via ferrata*². Я думаю о моем деде Яакко, финском иммигранте и скалолазе старой школы, который рассказывал мне о строительстве *via ferrata* в Доломитовых горах Италии для облегчения переброски войск через Альпы во время Первой мировой войны. Система *via ferrata* на Хрустальной горе была его идеей, и Бэнрок-старший ухватился за нее.

Когда Яакко поселился в этой долине, он объединился со «Скалой» – дюжим скалолазом, недавно приехавшим из Австралии. Вместе они начали мастерить первые горнолыжные трассы на склонах Медвежьей горы. Они каждый день поднимались наверх, работали голыми руками, топорами и цепной пилой, и в конце концов создали зимнюю зону отдыха в канадской глуши.

Потом «Скала» монетизировал их усилия, получив от государства земельные права, и основал «Бир Маунтин Ски Энтерпрайзес» наряду с Корпорацией по строительству недвижимости в Сноу-Крик, которая теперь специализиру-

² *Via ferrata* – термин, принятый в альпинизме. Обозначает скальный участок, специально оборудованный металлическими конструкциями, помогающими преодолевать его с большей скоростью и меньшими затратами энергии, чем при скалолазании в его обычном понимании (прим. пер.).

ется на курортной недвижимости по всему миру. Если кого-то можно назвать королем Сноу-Крик, то им, несомненно, является «Скала» Бэнрок. Он пережил трех жен и большинство своих сверстников, а его потомки населяют этот городок и во многих отношениях управляют им.

С другой стороны, мой дед основал газету «Сноу-Крик Лидер». Если Бэнрок занимался финансовым убийством конкурентов, то Яакко кое-как сводил концы с концами, занимаясь более эзотерическими вещами: философией, литературой и экологией. Правдой. Яакко передал газету моему отцу Сеппо, а сейчас она перешла ко мне. Мне пришлось быстро усвоить азы этого бизнеса; компания находилась на грани краха после долгой борьбы моего отца с раковой опухолью. Но Хол Бэнрок вошел в долю и выкупил 49 % бизнеса. Теперь моей задачей были поиски возможности удержать газету на плаву после наступления цифровой эры, которая убивала печатную прессу. Наряду с появлением Куинн прошлый год был для меня испытанием огнем и медными трубами. Сегодня у меня возникло гнетущее чувство, что все далеко не закончилось.

Леви берет микрофон у отца, и мое внимание снова возвращается к братьям Бэнрок. Леви и Рэнд сделаны как под копирку, и оба похожи на молодого «Скалу» Бэнрока. Как и их отец, они вымахали до шести футов и двух дюймов. Оба имеют поразительные зеленые глаза и тугие вихры песочно-бурых волос. Леви работает менеджером горных опе-

раций; он женат и имеет двухлетнего малыша. Рэнд недавно был назначен гендиректором Корпорации по строительству недвижимости в Сноу-Крик. Он холост, бесшабашен и живет как плейбой. Подозреваю, Рэнд предпочел бы иметь работу Леви, но карты сдает их отец.

Я снова смотрю на часы: без пятнадцати два. У меня начинает кружиться голова.

Речи закончены, ленточка перерезана. Следуют бурные аплодисменты, и местный детский хор заводит песню. В моем кармане вибрирует мобильный телефон. Я проверяю номер; звонят из моего офиса. Я перевожу вызов на голосовую почту, они смогут несколько часов обойтись без меня. На смену хору приходит музыкальный дуэт с дредами и гитарами, выдающий местную версию горного фанк-фолка. Официанты разносят подносы с напитками и закусками. Щелкают камеры, снова работают вспышки. Я нахожусь в первой группе проходящих за двери, чтобы подняться на борт гондолы.

Фотограф следует за мной.

Кабина наполняется до полной вместимости, в основном журналистами. Здесь есть сидячие места на двенадцать человек у окон и шесть стоячих мест. Леви предпочитает стоять. Дверь закрывается, звенит колокольчик. Гигантские шестерни поворачиваются вокруг оси, и кабина приходит в движение.

Я ощущаю мягкий толчок под дых, когда мы стартуем

с утеса и оказываемся в воздухе. В кабину сразу же ударяет порыв ветра, и люди обмениваются взглядами.

– На какую силу ветра рассчитана эта кабина? – спрашивает кто-то из корреспондентов СВС.

– Это самый ветрозащищенный из наших подъемников, – с непринужденной улыбкой отвечает Леви. – Гондола рассчитана на порывы ветра скоростью до восьмидесяти километров час. Но если скорость ветра превышает максимальную, существует автоматическая остановка, которую при необходимости можно разблокировать вручную.

Люди умолкают, когда осознают масштаб местности, расстилающейся вокруг нас. Удерживаемые лишь тросами и причальными башнями, мы движемся вперед с тихим электронным жужжанием. В центральной части кабины есть стеклянное дно, через которое мы видим далекие вершины величественных дугласовых елей, сосен и лыжные трассы. Оленей. Когда мы пересекаем отвесную расщелину водосброса Кайбер-Крик, внизу появляются бурлящие бело-зеленые воды Брайдл-Фоллс. Отсюда вода кажется кружевом, разбросанным по блестящему черному граниту. У меня что-то сжимается в груди, когда я вспоминаю то лето, когда мы с Джебом отправились в пеший поход к этому водопаду. Мы нашли ледяную пещеру за водяной завесой и забрались туда.

– Это определенно дает новую перспективу, – тихо произносит репортер из «Сан».

Леви кивает.

– Эти виды сами по себе будут привлекать посетителей. Летом эта гондола будет служить мостом для круговых пешеходных экскурсий. Зимой для лыжников откроется доступ на новые склоны и трассы на Маунт-Баррен.

Он указывает на красную подвесную кабину, которая медленно приближается по тросам с другой стороны.

– Всего двадцать кабин, по одному отправлению через каждую минуту. Общее время поездки между причальными платформами на Медвежьей и Маунт-Баррен составляет примерно пятнадцать минут. За это время кабина преодолевает расстояние в 4,4 километра, или 2,73 мили.

– Канатная дорога между плечами гигантов, – произносит женщина с радиостанции, которая смотрит на бесконечные дальние пики.

Пустая кабина проходит мимо нас, пока мы приближаемся к массивной стальной башне.

В нескольких тысячах футов внизу, в долине под нами, раскинулись разноцветные городские крыши. Кайбер-Крик похож на подвижную ртутную ленту, которая змеится через городок. Оттуда грунтовая дорога серпантинном вьется по склонам Маунт-Баррен. Еще выше желтые машины застыли, как механические динозавры посреди леса. Леви указывает на них.

– Мы прокладывали подъемные маршруты на южных склонах, но были вынуждены приостановить работу из-за засухи и угрозы пожара. Любая искра от работающих механиз-

мов может привести к катастрофическим последствиям. Мы надеемся возобновить операции после перемены погоды.

Медведица с двумя медвежатами медленно бредет вниз, направляясь вдоль русла к населенной долине. Засуха почти погубила урожай ягод на высоких склонах, и это увеличило риск столкновений между медведями и людьми, поскольку косолапые отчаялись набрать нужный вес для спячки. Я делаю мысленную пометку внести эту тему в список сюжетов «Лидера» на будущей неделе вместе с напоминанием о чрезвычайной опасности лесных пожаров.

– Вон та горнолыжная трасса называется «Золото Рэйчел», – Леви указывает пальцем, бросает взгляд в мою сторону и улыбается. – Она названа в честь нашей городской знаменитости Рэйчел Салонен, после того как она привезла домой золотую медаль для сборной Канады.

Все поворачиваются посмотреть на меня. Я краснею, улыбаюсь и киваю. Телефон в моем кармане снова вибрирует, и я снова испытываю необъяснимую тревогу.

– Как вы думаете, засуха отложит открытие горнолыжного сезона? – спрашивает один из репортеров СВС.

– Мы уверены, что на следующей неделе погода переменится, и когда пройдут дожди, то на верхних склонах образуется снеговой покров, – отвечает Леви. – Долгосрочный прогноз тоже предвещает целую серию грозových фронтов.

Он выдает свою фирменную улыбку.

– Как насчет молний? – спрашивает репортер, глядя на

вершину другой огромной башни, пока мы тихо проезжаем мимо.

– У нас есть громоотводы, но в случае возникновения грозового очага мы вручную отключаем аппаратуру.

Над долиной кружит вертолет. Взгляды репортеров обращаются к Леви, и он предупреждает следующий вопрос.

– Можно не беспокоиться о столкновении воздушных судов с системой тросов. У нас есть современная система для предотвращения столкновений, которая пользуется радаром для оповещения любого воздушного транспорта в регионе. Стробоскопические лампы и громкие шумы на всех радиочастотах также предупреждают пилотов, которые пролетают поблизости.

– А что случится, если произойдет катастрофический отказ систем, и люди окажутся запертыми в кабинах?

Леви добродушно смеется.

– Эх вы, журналисты! Я вам рассказываю о росте туризма, толчке для экономики, о том, что мы одними из первых в мире провели канатную трассу между двумя горами, а вы хотите слышать только о катастрофах.

По кабине пробегают смешки.

Почти как по указанию суфлера, в борт гондолы ударяет мощный порыв ветра. Раздается аханье и нервный смех. Мой телефон жужжит и на этот раз подсказывает, что пришло текстовое сообщение.

Я достаю телефон из кармана куртки. Это сообщение от

Брэнди, няни Куинн. Мой пульс непроизвольно учащается. Брэнди знает, что сегодня днем я вернусь поздно из-за открытия этой канатной трассы. Я поднимаю голову; мы приближаемся к дальнему терминалу. Сейчас половина третьего, в это время Брэнди забирает Куинн из школы. Я поворачиваюсь спиной к остальным и открываю сообщение.

«Позвони, пожалуйста. Нужно поговорить».

Я печатаю ответ.

«Сейчас я на гондоле, вместе с прессой. Позвоню сразу, как причалим».

Новое сообщение приходит почти мгновенно.

«У Куинн в школе произошел инцидент. Она в порядке, но директор хочет поговорить с тобой и не отпускает ее до твоего приезда».

Мне становится тошно от беспокойства. Наша гондола входит в здание терминала; огромные красные шестерни гладко поворачиваются, зубья переключаются на другой трос и встают на замок. Кабина мягко стучается о борт причальной платформы и замедляет ход до полной остановки, потом двери автоматически открываются. Я проталкиваюсь вперед и спешу прочь от толпы. Нахожу укромный уголок, ныряю туда и набираю номер Брэнди.

– Брэнди, что происходит? – Я прижимаю ладонь к другому уху, чтобы отрезать шум механизмов и голоса журналистов, выходящих наружу.

– На ленте Куинн подралась с четырьмя девочками, но

физически она в порядке. Учителя пытались звонить тебе на работу, потом на твой мобильный. Они позвонили мне, но я все утро была на курсах лазания по канату. Им нужно поговорить с тобой, Рэйчел. Они удерживают Куинн в школе до твоего приезда. – Небольшая пауза. – Думаю, они позвонили в полицию.

– С какой стати?

– Там что-то насчет мужчины, который шастал вокруг школы.

Подступает паника. Я думаю о Джебе, о его освобождении.

– Где ты сейчас?

– Стою возле школы. – Она колеблется и добавляет: – Куинн даже не хочет видеть меня. Ее отвели в комнату медсестры.

– Буду так скоро, как только смогу, – говорю я. – Ты скажешь им, что я в пути?

Брэнди соглашается, и я отключаю звонок. Я уже решаю в уме логистическое уравнение о наиболее быстром способе спуска с горы. До начала сезона кресельные подъемники со стороны Маунт-Баррен не работают. Обратная поездка в Тандерберд-Лодж на гондоле займет пятнадцать минут. Оттуда еще полчаса спуска на кресельном подъемнике в долину.

Я подхожу к Леви, который разговаривает с группой журналистов у терминала. Прошу его на минутку отойти в сто-

рону и говорю:

– У моей племянницы неприятности в школе. Мне нужно срочно спуститься в город.

– Гондола тронется в обратный путь через двадцать минут, после обзорной экскурсии по...

– Мне нужно сделать это немедленно.

– Рэйчел, я не могу... – Он умолкает, когда видит выражение моего лица, потом спрашивает: – Какие-то неприятности? С Куинн все в порядке?

– Физически да, но... – Мой взгляд неожиданно падает на мотовездеход, припаркованный у строительного навеса. Я могу спуститься по грунтовой дороге с этой стороны. Так будет быстрее. – Я могу позаимствовать этот транспорт?

Он хмурится. Я вижу, как он мысленно просчитывает риск и страховые ограничения в том случае, если посторонний человек попадет в аварию на вездеходе компании. Его взгляд быстро скользит по моему телу, отмечая короткую юбку, колготки, сапоги до колена. Уголок его рта кривится в одобрительной улыбке.

– В этой одежде?

– Леви, ты *знаешь*, что я умею водить такие вездеходы. Мне нужно быть в городе.

Он колеблется, потом говорит:

– Один из моих ребят отвезет тебя. Пошли.

Он берет меня под руку и отводит к металлической на-
дворной постройке из рифленого железа. Там он берет за-

пасной шлем, передает мне и просит молодого сотрудника по имени Гарт довести меня вниз.

— У нас нет запасных защитных очков, — говорит он, когда я натягиваю шлем на густые волосы.

— Ничего, обойдусь. — Я усаживаюсь на заднее место, и юбка высоко задирается на бедрах.

— Нормально, Рэйч? — спрашивает Леви. — Может, я подыщу для тебя комбинезон или еще что-то?

— Все отлично, спасибо. Я у тебя в долгу, Леви.

Я хлопаю водителя по плечу, и он заводит двигатель. Мы устремляемся вниз по грунтовому серпантину; тонкая ледниковая пыль серым облаком клубится за нами. Я щурюсь в пыли, ветер выдавливает слезы из глаз и размазывает по щекам. Внезапно мне не хватает Трэя. Я ощущаю пустоту в сердце. Мне было приятно играть в команде, иметь человека, которому можно позвонить, на которого можно опереться. Даже после полугода житья с Куинн я понятия не имею, как обращаться с ней. Это ее угрюмое присутствие, постоянное напоминание о Джебе до предела напрягли наши отношения, пока Трэй не предложил взять паузу. Эта размолвка стала постоянной.

«Мерзавец, тебе не хватило духу остаться рядом и помочь мне пережить это...»

Но глубоко внутри я понимаю, что сама сделала продолжение нашей связи невозможным. Куинн все изменила. И теперь ясно, что это еще не закончилось.

Желтые автобусы подъезжали к школьной автостоянке, выпуская в воздух белые облачка выхлопных газов в ожидании загрузки. Температура быстро падала, солнце уже заходило за горные вершины. Джеб оставил свой мотоцикл за рядом горных ясеней с гроздьями красных ягод. Отсюда он мог наблюдать за входом в школу, оставаясь невидимым. Он выключил двигатель, но не стал снимать шлем.

Он должен был уехать, отправиться в долину Вулф-Ривер и проверить свой старый дом до наступления темноты, но не мог этого сделать, поскольку Куинн по-прежнему оставалась в здании школы и, возможно, находилась в беде. Теперь будут последствия – возможно, даже вызовут полицию.

Вид собственной дочери, внезапно сорвавшейся на драку, оставил у него тяжелое впечатление. Был ли ее буйный характер следствием ее происхождения или обстоятельств? Могло ли все сложиться иначе в другой обстановке? С этими мыслями пришло нечто новое: родительская вина, чувство ответственности. Он знал, что такое быть чужаком в школе. Ему казалось, что всему виной внешние обстоятельства жизни Куинн. И это лишь подстегивало его желание доказать свою невиновность, поскольку он не мог позволить, чтобы его дочь хотя бы на мгновение решила, что она является плодом насилия, ребенком убийцы. Чтобы подвергнуться

остракизму и быть изгнанной из общества. Он хорошо понимал, что, когда ребенок привыкает к своему ярлыку, бывает почти невозможно отделаться от этого.

Прозвучал школьный звонок, двойные двери распахнулись, и дети с криками и смехом устремились наружу. Родители подъезжали и отъезжали на автомобилях. Школьные автобусы наполнялись и отчаливали со стоянки.

Старый, побитый голубой «Форд» выехал на стоянку. За рулем сидела женщина с ярко-рыжими волосами, незнакомая Джебу. Она ждала в машине, не выключая двигатель. Вскоре площадка опустела, автомобили разъехались. Никаких признаков Куинн. Женщина наконец выключила двигатель, вышла из автомобиля и направилась к входу. Огненно-рыжие волосы опускались почти до ее талии. Она носила джинсы, пуховой жилет и туристические ботинки.

Прошло еще двадцать минут, прежде чем рыжая женщина вышла из школы. Она немного постояла снаружи с растерянным видом. Потом отошла в тенистый угол и позвонила кому-то по мобильному телефону. Не получив ответа, она раздосадованно вздохнула. Потом набрала текстовое сообщение и стала ходить взад-вперед, поглядывая то на часы, то на дверь школы. Внезапно она остановилась и ответила на звонок.

Она повернулась спиной и наклонила голову, беседуя с кем-то. Потом выключила телефон, провела пальцами по гриве густых волос и снова посмотрела на школу. Наконец,

она уехала.

Прошел еще час. Стало холоднее, и свет приобрел лиловый оттенок. Световое время с каждым днем укорачивалось на четыре минуты, когда земная ось наклонялась дальше от солнца.

Учителя начали расходиться, и на стоянке почти не осталось автомобилей.

Когда свет потускнел, а холодный ветер задул сильнее, питаемый нисходящими воздушными потоками с горных склонов, на мостовой закружилась палая листва. Патрульный автомобиль вырулил на стоянку и остановился у входа. Оттуда вышла женщина в мундире, поправила табельное оружие на поясе и вошла внутрь.

Значит, они вызвали полицию. Скорее всего, из-за него. Джеб стиснул зубы.

Он нарушил свое решение не приближаться к дочери. Ему понадобилась только искра со стороны этих малолетних хулиганок, чтобы воспламенить его, а теперь он навлек на нее неприятности. Самое последнее, что он хотел видеть в качестве связующего звена между собой и Куинн. Пока он не докажет свою невиновность.

Пока он не выяснит, почему эти четверо парней лгали друг другу и давали ложные показания в суде.

Пока он не узнает правду.

Через несколько минут из прохладных сумерек начала подкрадываться темнота. Джеб был только рад, что оставил

на себе шлем и перчатки. Высоко пролетел с тихим гого-том гусиный клин. Одинокие путники, отбывающие в теп-лые края.

Двери школы снова распахнулись. Наружу вышла блон-динка в сопровождении двух светловолосых девочек. Одна из девочек прижимала к носу гигиеническую салфетку. Че-рез несколько секунд за ними последовали лысеющий муж-чина и стройная брюнетка, которые держали за руки еще двух светловолосых девочек. Мужчина и женщина обменя-лись несколькими фразами и препроводили детей в джип «Хаммер» и «Форд Эскелейд».

Автомобили уехали.

Через две минуты из школы вышла женщина в полицей-ской форме. Она помедлила у двери, осматривая автостоян-ку, а потом неспешно направилась по травянистому пригор-ку к бейсбольному полю и трибунам.

Она остановилась на гребне пригорка, где учительница увидела Джеба, и посмотрела на деревья, где он стоял рань-ше. Потом повернулась и зашагала к своему автомобилю. Джеб не сомневался, что она собиралась объехать вокруг школы и посмотреть, опросить ближайших соседей насчет высокого темноволосого незнакомца в кожаной куртке – че-ловека, который проник на школьную территорию и прика-сался к девочкам.

Напряжение не оставляло его. Часы начали обратный от-счет. *Игра началась.* Он не собирался начинать именно так

или так скоро.

Женщина-полицейский отъехала от школы, повернула направо и направилась к жилым домам, огибавшим бейсбольное поле. Настала тишина, прерываемая лишь биением веревки и карабинов о металлический флагшток, хлопанием флага. Джеб посмотрел на часы. Уже почти четыре часа, и становилось темно, но Куинн еще не вышла.

До него внезапно донесся звук приближавшегося автомобиля. Серый «Додж-Рэм» круто повернул на автостоянку, и покрышки взвизгнули, когда водитель обогнул поворот и подъехал прямо к школьному входу, где запрещалось ставить машины.

Дверь со стороны водителя распахнулась, и появились длинные ноги в сапогах, обтянутые колготками бедра и короткая юбка. Каштановые волосы взметнулись над головой женщины, когда ветер подхватил их. Джеб вздрогнул, как от удара током.

Рэйчел.

Он застыл с гулко бьющимся сердцем, пока смотрел, как она протягивает руку за коричневой курткой на заднем сиденье. Она набросила куртку на плечи и поспешила к школе, на ходу убирая ключи в карман. Джеб обратил внимание, что она слегка прихрамывает – видимо, после того падения на трассе, которое заставило ее уйти из спорта. Он сглотнул, но во рту было сухо, как в пустыне.

Распахнув двухстворчатую дверь обеими руками, Рейчел

исчезла в школе.

Он читал о том происшествии в газетах. Она приближалась к финишу, когда вышла на подъем под неправильным углом и потеряла равновесие в воздухе во время прыжка. Она упала на плотно спрессованный снег и покатилась по склону в вихре мелькающих лыж и лыжных палок. Край одной лыжи зацепился за оранжевое ограждение трассы, и ей вывернуло ногу отдельно от тела. Когда она остановилась, темно-красная кровь уже расплывалась на белом снегу, и зрители замерли в потрясенном молчании, пока санитары бежали к неподвижному телу и вызывали спасательный вертолет.

Мощный поток адреналина хлынул в кровь Джеба, пока он смотрел на двери, за которыми скрылась Рэйчел. Реакция была настолько мощной и первобытной, что он задрожал всем телом. Он каждую ночь видел во сне эту женщину. Женщину, которая была его самым близким другом. Единственную женщину, которую он любил, любил до сих пор. Женщину, которая теперь была недоступна для него. Тем не менее она заботилась о его ребенке. Она приехала сюда, чтобы заступиться за Куинн. Что за ирония судьбы!

Теперь он никак не мог покинуть свой наблюдательный пункт. Он должен был увидеть, как Рэйчел выйдет наружу вместе с Куинн. Он должен был снова увидеть их обеих.

Глава 5

Я быстро веду Куинн к автомобилю и на ходу засовываю в карман листок с именами и телефонными номерами родителей девочек. Хотя еще нет пяти вечера, уже наступила темнота, а температура опустилась почти до нуля. На школьной автостоянке включились фонари, залившие асфальт тускло-оранжевым светом. Листья шуршат и разлетаются у нас под ногами.

Куинн идет с опущенной головой, сгорбленными плечами и плотно сжатым ртом. Я почти час провела с директором и школьным психологом, пытаюсь сделать так, чтобы Куинн объяснила, почему она напала на девочек, но она упрямо молчит. Не знаю, что с этим делать.

Я открываю перед ней пассажирскую дверь, но Куинн стоит на месте, смотрит на свою обувь и так крепко прижимает к себе школьный рюкзачок, как будто от этого зависит ее жизнь.

– Давай же, Куинн. Садись, пожалуйста. На улице холодно.

Моя племянница отказывается сдвинуться с места.

Где-то в темноте над нами пролетает цапля; ее крылья мягко хлопают, как будто она что-то ищет под оранжевыми фонарями. Я замираю на месте, и по спине внезапно пробегают холодок. Я чувствую, что за мной кто-то следит. При-

держивая рукой открытую дверь, я вглядываюсь в окружающую темноту. Кроме теней и листьев, ничего не движется, и я не вижу ничего необычного. Несколько пустых автомобилей и автофургон. *А может быть, это медведь, притаившийся в темноте за углом?*

Куинн вскидывает голову и смотрит на меня, как будто ощутив мой страх.

– Куинн, – ласково говорю я. – Ну пожалуйста.

Девочка залезает в автомобиль. Я захлопываю дверь, усаживаюсь на водительское место и завожу двигатель. У меня дрожат руки, но не от холода. Меня обуревают тревога и беспокойство за Куинн. Чувство вины. Последние шесть месяцев она испытывала меня и не сочла достойной опекуна. Я не знаю, как это делать, особенно сейчас.

Слава богу, что все обошлось расквашенным носом. Школьная медсестра позаботилась об этом. Сегодня вечером мне придется позвонить родителям и извиниться перед ними. До сих пор не было выдвинуто никаких обвинений, хотя в школу вызвали полицию. Меня беспокоит, чем это может обернуться. Но сильнее всего меня гложет известие о том, что мужчина с черными волосами появился на школьной территории и вмешался в драку. Одна из девочек заявила, что этот мужчина также последовал в лес за Куинн незадолго до стычки.

Слова Леви звучат у меня в голове, когда я включаю обогреватель.

Он не такой дурак, чтобы подписать себе смертный приговор. Что ему может понадобиться здесь?

Я делаю глубокий вдох. Джеб не знает о своем ребенке. Он *не может* знать. Откуда? Единственным другим осведомленным человеком является Трэй, а он обещал молчать.

Пока я жду, когда автомобиль прогреется, то делаю очередную попытку:

– Может, ты все-таки расскажешь, почему ударила Мисси?

Молчание. Я сдерживаю досаду и стараюсь говорить ровным тоном.

– Мне было бы полезно знать, отчего ты так рассердилась, потому что тогда мы сможем разобраться с этим...

– Они стервы, – неожиданно выпаливает она.

Я считаю до двадцати, потом спокойно спрашиваю:

– Они сказали что-то гадкое, чтобы спровоцировать тебя? Чтобы ты потеряла голову?

Куинн угрюмо молчит, уставившись на крышку отделения для перчаток.

– Послушай, – мягко говорю я. – Я действительно хочу помочь тебе. Пожалуйста, расскажи мне, что произошло на том поле. Если девочки говорили тебе обидные слова, это называется травлей, и нельзя делать вид, будто ничего не случилось. Будет только хуже.

Моя племянница резко отворачивается и смотрит в окошко. Она плотно сжимает рюкзак на коленях, костяшки паль-

цев побелели от напряжения.

Я делаю глубокий вдох. Полегче. Она пережила трудное время. Один неправильный ход может все испортить...

– Ладно, тогда мы можем обсудить это за обедом. Закажем еду навынос. Что бы ты хотела?

Она продолжает молчать, постукивая пяткой ботинка по основанию сиденья.

– Пицца?

Молчание.

– Жареный цыпленок?

– Я не хочу есть.

Я решаю спустить дело на тормозах, хотя бы ненадолго. Возможно, вечером Куинн станет более разговорчивой. Или завтра. После дня Благодарения в школе начинаются каникулы, и занятий не будет целую неделю. Возможно, мне следует оторваться от работы и побыть вместе с Куинн, сделать что-то особенное. Возможно, куда-нибудь поехать. Во мне зреет внутренний конфликт. Сейчас не время отходить от дел с газетой и потенциальными рекламными контрактами на носу, особенно когда наступает сезон больших «индейских распродаж». Бэнрок тоже будет дышать мне в спину, ведь теперь он владеет почти половиной моей компании.

Меня снова охватывает глубинный, темный страх: темно-волосый незнакомец на школьной территории. Джеб вышел из тюрьмы...

– Этот человек, который прекратил драку, – говорю я. –

Ты видела его раньше, или сегодня был первый раз?

Она даже не делает вид, что слышит меня. Постукивание становится более громким и ритмичным. Напряжение растет.

– По словам учительниц, у него черные волосы и он носит черную кожаную куртку. Он сидел на корточках и разговаривал с тобой, но когда они приблизились, он поспешил прочь и скрылся за деревьями.

Стук ее ботинка отдается внутри моего черепа.

– Мисси и Эбигейл рассказали миссис Дэвенпорт, что раньше он провожал тебя в магазин и что ты вернулась с пакетом сладостей. Это правда? Что он тебе говорил?

Мне отвратительны визгливые нотки в собственном голосе.

В салоне автомобиля заметно теплеет. Я жду еще какое-то время – в основном потому, что не понимаю, как мне следует себя вести. Чем больше я думаю об этом, тем больше тревожусь, что это мог быть Джеб.

– Ты говорила с ним по пути в магазин?

Молчание.

– Скажи мне, Куинн!

Она разворачивается, сверкая глазами.

– Они стервы! Он *все врёт*! Он не шел за мной, а просто проходил мимо, когда это случилось. Он не плохой человек!

На моем лбу выступает пот. Я медленно перевожу дух.

– Значит, он купил тебе сладости? Он задавал вопросы?

– Какая разница, если купил? Никто не делает ничего хорошего для меня. Он добрый человек.

– Он спрашивал, где ты живешь?

Тяжелое, мрачное молчание невидимым облаком опускается на нее.

Я тянусь вперед и ставлю автомобиль на передачу, напоминая себе, что она потеряла родителей при чудовищном пожаре. Она была оторвана от своих корней и вынуждена жить вместе с молодой тетей, которую почти не знала. Новый город, новая школа. Новые друзья. Течение подхватило ее, и она могла только удерживаться на плаву.

Как и я.

Я внезапно чувствую себя очень одинокой и совершенно не приспособленной. Ни у кого из моих сверстников нет детей такого возраста. Трэй ушел от меня. У меня большой дом и бизнес, в котором я еще не вполне разбираюсь. Я тоскую по Софии и Питеру. Я тоскую по отцу. Общее чувство утраты оставило глубокую дыру в моем сердце. Чем я заслужила все это?

Нужно расставить приоритеты, думаю я. Куинн должна стоять на первом месте. Выше моего бизнеса. Выше моих финансовых неурядиц. Моя племянница балансирует на опасной грани, и моя первостепенная задача – обеспечить ее безопасность. Если это значит взять отпуск или даже покинуть Сноу-Крик на несколько недель вместе с Куинн, то я залезу в долги ради этого.

Я направляю машину к выезду со стоянки. Но когда мои фары осветили белый автофургон, я замечаю позади отблеск хромированной поверхности. Мотоцикл. Что-то заставляет меня посмотреть в зеркало заднего вида, когда я выезжаю на улицу. Дует ветер, тени движутся, и под таким углом я не могу разглядеть ничего особенного. На какой-то момент показалось, что на мотоцикле сидит человек в шлеме. Но может быть, это была игра света.

Когда я приближаюсь к перекрестку с автострадой, включается красный свет, и я останавливаюсь. Пока мы ждем, я снова обращаюсь к Куинн.

– Мне очень хочется, чтобы ты все-таки рассказала, почему набросилась на этих девочек.

– Я же сказала! – вопит она. Ее неистовство изумляет меня. – Они стервы, лживые стервы...

Слезы быстро катятся по ее бледным щекам, ее плечи судорожно вздрагивают.

Включается зеленый свет. Вместо того чтобы повернуть на север по автостраде, я быстро проезжаю перекресток и останавливаю автомобиль на обочине под ветвями старого дуба. Поворачиваюсь на сиденье, обнимаю Куинн и привлекаю ее маленькое дрожащее тело к себе. Просто крепко держу ее. У меня ноет в груди от ее боли. Я глажу ее мягкие волосы и вспоминаю, как держала ее на руках, когда она была новорожденным младенцем.

Передо мной вспыхивает еще одно воспоминание: я лежу

в объятиях Джеба, под защитой его крепких рук. Боль пронзает меня изнутри. С того самого дня в офисе Гатри шесть месяцев назад Джеб и Куинн переплелись в моем сознании. Я до сих пор не могу отделить одно от другого.

Как я могла так ошибаться в нем? Как я могла так поступить? Я сглатываю комок в горле. Нет, сама я не справлюсь; мне понадобится помощь. Мне нужно будет отвезти Куинн к психотерапевту.

– Они все врут! – тихо рыдает она мне в куртку. – Они ужасные, ужасные лгуны. Я их ненавижу! – Ее гибкое тело вздрагивает, когда очередная волна рыданий накатывает на нее. – Это неправда...

– Что неправда, Куинни? – шепчу я и глажу ее волосы. – Ты имеешь в виду, что они говорили о мужчине, который шел за тобой?

– Они называли меня незаконнорожденной, – шепчет она. – Они сказали, что я из приемной семьи.

Кровь гулко стучит у меня в висках.

– Что они сказали?

– Они сказали, что папа и мама не были моими настоящими родителями.

Теперь мое сердце колотится так, как будто готово выскочить из груди.

– Это неправда, – повторяет Куинн. Потом, ощутив мое внезапное замешательство, она медленно поворачивает лицо ко мне. Ее щеки блестят от слез, губы дрожат. – Я не при-

емный ребенок.

Я стараюсь сглотнуть, но не могу. Меня охватывает паника. София хотела сохранить в секрете происхождение Куинн, но я всем сердцем желаю того, чтобы они хотя бы рассказали ей, как удочерили ее. Черты Куинн изменяются, когда она наблюдает за моим лицом, видит мое растущее напряжение.

– Я... Я не... Разве...?

О Боже, София, где ты? Пожалуйста, дай мне знак, помоги мне... что я должна сказать? Почему вы оставили Куинн без этого знания?

Доверие.

Мне нужно завоевать доверие Куинн. Если сейчас я нарушу его, то навсегда потеряю мою племянницу. Но настало ли время сказать правду? Не причинит ли это больше вреда сейчас, чем потом? Я должна *что-то* сказать; девочки из школы открыли бутылку, и я уже не смогу загнать этого джинна обратно.

– Рэйчел? – тонкий, дрожащий голос Куинн звучит умоляюще.

Время как будто растягивается. Грохот в моей голове становится громче. Что бы я ни сказала сейчас, это надолго – может быть, навсегда – определит мои отношения с Куинн.

– Рэйчел? – Теперь голос девочки звучит пронзительно, и в нем слышатся нотки отчаяния.

Я делаю глубокий вдох и говорю:

– Куинни, твои родители любили тебя больше всего на свете. Они *были* твоими родителями во всех отношениях, но ты особенная, потому что у тебя есть еще и... биологические родители.

Господи, все равно плохо вышло!

– Я... не понимаю. – В ее глазах появляется необузданный блеск. Но обратного пути больше нет. Я беру ее маленькие холодные руки в свои ладони.

– Твои папа и мама очень долго, годами пытались завести собственных детей, биологических детей. Они очень хотели завести ребенка, иметь настоящую семью. Но когда врачи сказали им, что это невозможно, они решили взять приемного ребенка. Именно тогда они удочерили тебя. Ты вошла в жизнь Софии и Питера, и они стали заботиться о тебе. Они принесли тебя домой, когда тебе исполнился только один день от роду, – крошечную новорожденную малышку, прямо из больницы.

Мой голос прерывается из-за наплыва чувств. Я наклоняюсь и отвожу со лба прядь ее волос.

– Я была там, когда они привезли тебя домой. Я видела их улыбки: это был самый счастливый день в их жизни. Они собирались всегда быть с тобой и любить тебя. – У меня жжет глаза, но я нахожу силы закончить: – Они хотели ребенка, Куинни, и ты нашла их.

Она остается совершенно неподвижной. Я даже не уверена, что она дышит. Меня охватывает беспокойство, и я про-

вою ладонью по ее щеке.

– Они *были* твоими родителями, Куинн. Я *тоже* из твоей семьи.

По ее телу пробегает дрожь. Лицо белеет, губы сжимаются в тонкую линию. Она стискивает кулачки. Я не знаю, что делать; у меня нет никакого руководства. Я испытываю физическую потребность в том, чтобы моя сестра была здесь, чтобы она помогла мне, прошептала на ухо слова поддержки.

– Они собирались рассказать тебе, когда ты немного подрастешь, – говорю я, но голос изменяет мне. – У них просто не было шанса.

Она неожиданно выпрямляется отталкивает меня и выставляет рюкзак перед собой. Пряжка попадает мне в глаз.

– Ты тоже врешь! Все это ложь! Ты тоже стерва! – визжит она. Она расстегивает ремень безопасности и тянется к дверной ручке.

– Куинн! Подожди! – Объятая страхом, я хватаю ее за руку. Она гневно смотрит на меня, сверкая глазами. Я чувствую, как она дрожит. Она борется с собой, борется с этим знанием, стараясь отогнать его от себя, ответить ударом на удар. Ткань ее психики, ее веры в себя и свое происхождение – сама основа ее личности трещит по швам.

Я сглатываю и немного ослабляю захват, но не отпускаю ее, опасаясь, что если сейчас Куинн выйдет из автомобиля, она слепо устремится в ночь. Окрестная глушь – опасное и холодное место, особенно в это время суток. Я достаточно

долго проработала добровольцем в местной поисково-спасательной группе, чтобы знать это на собственном опыте. *Я знаю*, сколько людей так и не вернулись домой.

– Я люблю тебя, – шепчу я. – Я очень-очень сильно люблю тебя. Я всем сердцем любила твою мать, и Питера тоже. Мы *семья*. Куинни Маклин, ты член нашей семьи. – У меня прерывается голос. – Как и тебе, мне невыносимо, что произошло с твоими родителями. Но мы с тобой – это все, что осталось. Нам нужно быть рядом друг с другом. Я тоже чертовски напугана. Вернее, мне страшно, потому что я не знаю, как быть хорошим опекуном. Но я здесь ради тебя, и я *всегда* буду с тобой. Это я обещаю. И еще я обещаю, что буду стараться изо всех сил. Но мне нужна твоя помощь.

Искренность моих слов что-то затрагивает в душе Куинн. Девочка медленно поднимает голову.

– Я не знаю, как это сделать, – повторяю я. – Но давай попробуем вместе, ладно? Потому что если ты сейчас откажешься от меня и убежишь, куда ты отправишься сама по себе? Если миссис Дэвенпорт выгонит тебя из школы за насилие, что мы тогда будем делать? К кому мы обратимся?

На шоссе завывает сирена, удаляясь в горы.

– Знаю, это паршиво, – шепчу я. – Но мы справимся. По-немногу, шаг за шагом. Мы будем стараться прожить каждый день. А потом, наверное, станет немного легче. Словно рассвет после бури.

Долгое молчание.

В зеркале заднего вида внезапно появляется свет единственной фары и на мгновение ослепляет меня. Я поворачиваюсь и гляжу в заднее окно. Мотоцикл повернул с дороги примерно в ста ярдах за нами. Свет погас.

Я думаю о мотоцикле возле школы. Меня снедает беспокойство.

– Я хочу домой, – тонким голосом говорит Куинн. – Хочу к маме.

– Знаю. – Я снова обнимаю девочку и испытываю неопишуемое ощущение, когда прижимаю ее к своей груди. Материнский инстинкт. Осознание того, что я готова на все ради этого ребенка. На что угодно. И я защищу ее, я сделаю ее счастливой.

– Мы найдем способ, – шепчу я в ее волосы. – Мы вместе поставим этих девочек на место, хорошо? Но нам нужно сделать это по-умному. Мы не можем физически отбиваться от всех дурных вещей. Насилие – это не ответ.

– Именно так он и говорил.

По моей спине пробегает ледяной холодок. Я отодвигаюсь в сторону.

– Кто?

Она только смотрит на меня.

– Ты имеешь в виду... этого мужчину?

Молчание.

Страх и ярость попеременно курсируют во мне. Я поворачиваюсь на сиденье и гляжу туда, куда повернул мотоцикл.

– Он хороший человек.

– Откуда ты знаешь? – жестко спрашиваю я.

Что-то мелькает в глазах Куинн, и в этот момент я без тени сомнения понимаю, что это был Джеб. Он здесь. Он следовал за Куинн и говорил с ней. Это он проехал мимо на мотоцикле. Это он ждал и наблюдал возле школы.

– Он спросил, где ты живешь? – сдавленно спрашиваю я.
Молчание.

– Спросил или нет?

– Да! – выкрикивает она. Гнев – ее единственное оружие, и она снова хватается за него. – Он спросил, замужем ли ты. Я ему сказала, что твой тупой дружок бросил тебя.

Мне трудно дышать.

– У него есть мотоцикл?

– Нет. Не знаю.

– У него есть татуировка на шее? Маленькая рыбка?

Куинн резко отворачивается.

Я включаю зажигание, резко трогаюсь с места и возвращаюсь на дорогу. Разворачиваюсь на бульваре, едва не задев седан, припаркованный на другой стороне. Визжат покрышки. Я крепко сжимаю руль, потому что еду слишком быстро. Сердце бешено колотится в груди, пот выступает на лбу и верхней губе.

– Застегни предохранительный ремень, – говорю я.

– Что ты делаешь? Куда мы едем?

– В полицейский участок.

Она разворачивается лицом ко мне.

– Нет! Пожалуйста, не надо: он *хороший* человек.

– Откуда ты знаешь об этом? Потому что он купил тебе сладости? Потому что он приятно улыбался тебе? В мире есть очень плохие люди, которые хорошо знают, как понравиться маленьким девочкам. – Мой голос дрожит. – Ты можешь *думать*, что с ним тебе ничего не угрожает. Такие люди, как он, легко втираются в доверие. Они могут казаться друзьями, с которыми ты чувствуешь себя довольной и счастливой. Но они опасны. Это хищники. Ты должна понять это. Они могут творить самые ужасные вещи.

– Он не опасен! – рыдает она. – Он читал мою любимую книгу. Он помог мне, когда те девчонки забрали мои сладости.

Я резко сворачиваю на общественную автостоянку, задевая колесами о бордюр. Потом останавливаюсь и какое-то время сижу с работающим двигателем, глядя в зеркало заднего вида. Сердце продолжает колотиться в груди, пот стекает по всему туловищу. Но мотоцикла нет. На улице нет ничего, кроме случайных машин. Возможно, тот мужчина на мотоцикле возле школьной стоянки только почудился мне. Может, я вообразила, что за нами следят. Я видела Джеба за каждой проклятой тенью, потому что его выпустили из тюрьмы. Это паранойя. Я приглаживаю волосы ладонями. Сейчас воображение – мой худший враг.

Полицейский участок соединен с пожарной станцией, ко-

торая примыкает к нему сзади. Рядом находится база поисково-спасательного отряда. В офисе Адама Лефлера горит свет, желтое сияние льется в холодную ночь. Он работает за столом. Его крупный силуэт выглядит надежно и успокаивающе. Все будет в порядке.

Мы все готовы помочь тебе, Рэйчел. Ты можешь звонить любому из нас, в любое время.

Я могу с этим разобраться. Если Джеб вернулся и направляется на неприятности, Адам сдвинет небо и землю, чтобы снова упрятать его за решетку – на этот раз навсегда. Я отстегиваю ремень безопасности.

– Пошли, – обращаюсь я к Куинн и открываю дверь со своей стороны.

Куинн забивается глубже на сиденье и снова прижимает рюкзак к животу.

– Я не пойду туда с тобой.

– Куинн...

– Ты не можешь заставить меня. Я укушу тебя. Я буду лгаться и кричать.

Она отказывается смотреть на меня. Ее лицо снова становится угрюмым и замкнутым.

Я гляжу на полицейский участок, закипая от досады. Достая телефон из кармана и набираю номер. Звонок сразу направляется на голосовую почту, где женский голос сообщает часы работы. Я ругаюсь сквозь зубы. Если не набрать 911, то телефон бесполезен.

Я выхожу из автомобиля и кричу в освещенное окно, где видела Адама за письменным столом.

– Адам! Ты меня слышишь?

Нет ответа. Он и не может ничего услышать через двойные рамы. Я оглядываюсь по сторонам: никого. Все тихо.

– Ладно, – говорю я и наклоняюсь в салон. – Оставайся здесь, но я запрю тебя в автомобиле.

Девочка продолжает молчать, упрямо выставив подбородок.

– Я буду вон за тем окном, – я указываю на офис Адама. – Полицейские смогут видеть тебя оттуда.

Никакой реакции. Я поспешно снимаю куртку.

– Вот, набрось на плечи, чтобы тебе было тепло.

Она не берет куртку, и я оставляю ее на сиденье водителя рядом с Куинн. Устанавливаю замок защиты от детей, закрываю и запираю двери. Моя система безопасности работает со сбоями; если я активирую «детский замок», то даже пассажирскую дверь нельзя открыть изнутри. Мне не по себе от того, что приходится запираť девочку в машине, но я не знаю, что еще можно сделать. Я не могу силком тащить ее в участок и не могу рисковать ее побегом.

Я торопливо иду по дорожке и внушаю себе, что скоро вернусь и что все полицейские окажутся на месте.

Глава 6

Куинн крепко прижимала к животу свой школьный рюкзачок. Ей отчаянно хотелось *не верить* Рэйчел. Ей хотелось ненавидеть Рэйчел. Хотелось, чтобы она пропала. Что не было всех ужасных вещей, которые произошли с ней за последние полгода. Она хотела вернуть маму и папу. Она чувствовала себя так, как будто в горло запихали старый носок, и глупые слезы снова подступали к глазам.

Она лягнула каблуком основание кресла, пытаясь остановить слезы. Но они все равно жгли ей глаза изнутри. Она сунула куртку Рэйчел себе под нос. Куртка была мягкой, пушистой, и от нее слабо пахло тетиными духами. Еще там была кровь после того, как Куинн рассекла ей бровь пряжкой рюкзака. Она сильнее заколотила пяткой, глядя на тетю, легко бежавшую по дорожке и по бетонному крыльцу полицейского участка.

Канадский флаг развевался на ветру над зданием участка. Белые патрульные машины и полицейские внедорожники с красно-белыми полосами аккуратными косыми рядами стояли на площадке. За домом высоко над плещущим флагом темным пятном поднималась в небо вершина Медвежьей горы. Куинн видела теплые желтые огоньки ресторана «Тандерберд-Лодж» и причал канатной дороги наверху. Высоко над горными пиками переливались зеленовато-жел-

тые полотнища северного сияния, отчего ледники казались призрачно-белыми.

Пока она ждала, окна автомобиля начали затуманиваться от дыхания. Куинн ближе подтянула к себе тетину куртку. Улица была темной и пустой, сухие листья проносились по мостовой.

Все они лгуны. Она не собиралась верить им. Нет, и точка.

Куинн сжала руку в кулак и протерла маленькую дырку в туманном стекле. Тогда она увидела это: блестящий черный мотоцикл, водителя в черном шлеме и куртке, наблюдавшего с другой стороны улицы, облачка дыма из выхлопной трубы.

Ее сердце дрогнуло. *Это он.* Она была уверена в этом.

Охваченная волнением, она протерла ладонью более крупную дыру и наклонилась вперед.

Мужчина. Его тень.

Она не боялась его.

Он ей понравился; он помог ей почувствовать себя особенной, как будто она имела ангела-хранителя. Возможно, ее мать призвала его с небес охранять ее – как в той книге, которую она читала, где ангелы были темными красавцами с татуировками, которые присматривали за одинокими девочками.

Тупая Мисси Седжфилд, Эбигейл Уинстерс и другие проболтались о том, что видели, как он последовал за ней в лесу, и насмехались над тем, что он купил ей сладости. Мото-

цикл почти исчез за туманом от дыхания Куинн, поэтому она быстро протерла стекло. Он оставался на месте.

«Это будет наш секрет, ладно?»

Теперь Куинн было стыдно, что она ввязалась в драку. Это заставило его выйти из тени и помочь ей, и тогда все увидели его. А теперь ее тетя будет болтать в полицейском участке. Рэйчел собиралась отпугнуть его. Мисси рассказала директору, миссис Дэвенпорт, о его черной куртке и черных волосах. Но они не видели татуировку у него на шее; Куинн была вполне уверена в этом. Когда он присел на корточки и обратился к ней, девчонки уже бежали к школе. У него на шее была татуировка маленького кижуча. Она знала это, поскольку хорошо разбиралась в лососевых рыбах и видела индейские рисунки и резные изображения кижуча. Он сказал ей, что у самцов вырастают агрессивно изогнутые зубы, когда они поднимаются по рекам на нерестовые угодья.

Девочки сказали миссис Дэвенпорт, что он был страшным на вид.

Но они лгали. Его глаза были темно-синими, а его улыбка была лучшей на свете. А теперь Рэйчел и полицейские собирались прогнать его. Куинн провертела еще одну дырку в тумане. Он по-прежнему был там и наблюдал за ней. Она почувствовала теплоту в груди, от которой сжималось сердце. Ей нужно сохранить этот секрет. Друг... тайный друг.

«Это будет наш секрет, ладно?»

Молодая женщина с копной темных кудрей открывает дверь за приемной стойкой, защищенной пуленепробиваемым стеклом. На ее именной табличке написано «Констебль Пирелло». Она меряет меня взглядом с непроницаемым выражением на лице. Типичный коп.

— Сюда, пожалуйста. — Она проводит меня в некую камеру с металлическими столами между пластиковыми перегородками. Стены и ковровые покрытия выдержаны в серых тонах. Сейчас внутри находится лишь один сотрудник; остальные столы стоят пустыми.

— Прошу вас, присядьте вот здесь. Вам принести воды? Можете рассказать, что случилось? — Она смотрит мне в лицо.

Я вытираю лоб, и мои пальцы липнут от крови, оставшейся после удара Куинн. С некоторым потрясением я понимаю, что выгляжу как жертва разбойного нападения. Я с головы до ног покрыта серой ледниковой пылью, волосы спутаны в бесформенную массу, на лице кровь.

— Ничего страшного. — Я смотрю на кровь у себя на руке. — Я спустилась с горы на мотовездеходе и очень спешила попасть в школу. У моей племянницы возникли... неприятности.

Женщина приподнимает левую бровь и смотрит на меня

широко распахнутыми фиалковыми глазами.

– Ударилась головой при старте новой канатной гондолы, – объясняю я. – Со мной все в порядке. Я хочу поговорить с Адамом.

– Вы имеете в виду констебля Лефлера, заместителя начальника?

Теперь я понимаю, что она говорит с французским акцентом.

– Мы старые знакомые. Я знаю, что он здесь, поскольку видела его за окном.

Что-то мелькает в ее взгляде. Она отодвигает стул от ближайшего стола.

– Пожалуйста, подождите здесь.

Я остаюсь стоять, пока констебль Пирелло уходит по коридору. Несмотря на тяжелый оружейный ремень и бронежилет, ей удастся придавать своей походке чрезмерно уверенный, даже соблазнительный вид. Я невзлюбила ее с первого взгляда.

Она возвращается по коридору вместе с Адамом. Пирелло тихо беседует с ним на ходу. Он поднимает голову и слегка вздрагивает при виде меня.

– Рэйчел, – он быстро подходит ко мне, – что происходит? Что случилось?

– Я ехала с горы на мотовездеходе и ушибла голову. Адам, мы можем поговорить наедине?

Он колеблется и смотрит на Пирелло.

– Это насчет инцидента с твоей племянницей в начальной школе?

– Да... отчасти.

– Это констебль Энни Пирелло, – говорит Адам. – Ее недавно перевели к нам из Монреалья. Она приняла вызов из школы, поэтому будет лучше, если она услышит все, что ты хочешь рассказать.

Пирелло снова бесстрастно глядит на меня своими фиалковыми глазами. Настороженная и внезапно раздраженная, я откашливаюсь и смотрю в сторону его кабинета в дальнем конце коридора. Пожалуй, будет разумнее дать задний ход.

– Прекрасно, – говорю я. – Меня интересует, выдвинул ли кто-то из родителей обвинение против моей племянницы или написал жалобу. Не знаю, что обычно происходит в таких случаях.

– На данный момент нет никаких обвинений, – говорит Пирелло. У нее забавная маленькая щель между передними зубами, которая странным образом тоже добавляет ей сексуальности. По какой-то причине это еще сильнее раздражает меня.

Я утираю рукавом кровь со лба.

– Девочки рассказали, почему началась драка?

– Никто из них не захотел говорить. – Пирелло удерживает мой взгляд, как будто ждет, что я проговорюсь и сообщу ей какую-нибудь полезную информацию.

– Насколько я понимаю, на школьной территории появил-

ся мужчина, который прекратил драку, – решительно говорю я.

Пирелло кивает, но хранит осторожное молчание.

– Судя по всему, девочки рассказали директору, что этот мужчина наблюдал за моей племянницей во время перерыва на ленч возле бейсбольного поля. Миссис Дэвенпорт говорила вам об этом?

– Да.

Мое раздражение возрастает.

– И она сказала вам, что он следовал за ней до ближайшего магазина, где купил ей сладости?

– Все верно.

– Так что же случилось? – требовательно спрашиваю я. – Вы выяснили, кто он такой? Чего он хочет?

– У нас есть общее описание от девочек и двух учительниц, но ваша племянница не подтверждает их версию событий. Если она может что-то добавить, то наверное...

– Я хочу узнать *от вас*, кто он такой, – отрезаю я. – Он... он известен полиции? Может быть, он опасен?

Я замечаю, что Адам странно смотрит на меня.

– Мы не знаем, кто он такой, мэм, – говорит Пирелло. – Возможно, это просто добрый самаритянин, который решил вмешаться, когда увидел школьную ссору.

– Тогда почему он не дождался прихода учительниц?

– Мы еще не знаем, Рэйчел, – вмешивается Адам. – Мы опросили ближайших соседей и поговорили с продавцом из

магазина. Пока нам удалось выяснить, что его рост примерно шесть футов и два дюйма и у него темные, довольно длинные волосы. Смуглое лицо. Он носит кожаную куртку и ездит на мотоцикле.

На мотоцикле.

– Куинн Маклин упоминала о чем-то еще? – спрашивает Пирелло.

Странное неприятие, близкое к отвращению овладевает мной, когда я слышу, как эта полицейская произносит фамилию моей племянницы и моей погибшей сестры. Вместе с этим приходит острый укол страха от того, что эта Пирелло может покопаться в деле и выяснить, что Куинн родилась от опасного преступника.

Мне совсем не нужно, чтобы копы – или кто-либо еще в городе – установили связь между Джебом и Куинн. Внезапно я чувствую себя пойманной в ловушку. Все происходит слишком быстро, и у меня не хватает времени на размышления. Я хватаюсь за край стола от усталости и головокружения.

Адам прикасается к моей руке.

– Рэйчел, ты уверена, что с тобой все в порядке? Тебе что-нибудь принести?

Я поднимаю руку.

– Все нормально. И нет, Куинн не хочет мне ничего рассказывать. Ей приходится очень тяжело после смерти родителей, и мы стараемся как-то пережить это. Я... я просто бес-

покоилась. Насчет потенциальных обвинений и особенно насчет личности этого мужчины. Мне пора идти; Куинн ждет меня в автомобиле.

Пирелло и Адам обмениваются быстрым взглядом.

– Если она что-нибудь упомянет, – начинает Пирелло.

– Я обязательно позвоню. Спасибо.

Я направляюсь к выходу, совсем не уверенная в том, что делаю, но интуиция подсказывает мне держать рот на замке. Если Куинн узнает от кого-то из города, что ее отца считают убийцей и насильником, это окончательно разобьет ей сердце.

Адам догоняет меня. Он берет меня под локоть и протягивает руку, чтобы открыть дверь, ведущую в приемную.

– Не беспокойся, – тихо говорит он. – Мы будем присматривать за этим парнем. После Дня благодарения я выставлю полицейский патруль рядом со школой. – Он мнетя и смотрит мне в глаза. – Ты уверена, что больше ничего не хочешь сказать?

Ага. Теперь, когда Пирелло нет рядом, ты хочешь поговорить.

Я твердо выдерживаю его взгляд.

– Нет.

Между нами возникает безмолвная связь: общее понимание того, что Джеб находится на свободе. Мы оба думаем об этом.

– Сегодня я испугалась, Адам, вот и все. Мне следова-

ло находиться рядом с Куинн, когда позвонили из школы. — Я тихо фыркаю. — Я до сих пор учусь быть матерью восьмилетней девочки, которая не хочет видеть меня в своей жизни.

— Вам обоим нужно прийти к нам на ужин. Я поговорю с Лили, и она позвонит тебе. Она великолепно управляется с детьми. Мы будем рады видеть тебя и Куинн у нас дома.

— Да. — Я выдавливаю улыбку. — Вы с Лили отлично постарались: двое замечательных мальчиков. Настоящая семья. Она счастливая женщина.

Я не могу скрыть легкой горечи в голосе. Дело не в том, что я завидую Адаму; дело в том, что мне не удалось осуществить эту мечту с Трэем.

В его глазах брезжит понимание. Я делаю шаг вперед, но он вдруг говорит:

— Ты беспокоишься, что это он, да? Поэтому ты приехала.

Я оглядываюсь через плечо. Энни Пирелло смотрит на нас. Пронзительный, оценивающий взгляд. Впечатляющая женщина.

Я отворачиваюсь и смотрю через стеклянные двери участка на мой автомобиль, припаркованный на стоянке. Темная фигурка Куинн сидит за туманным стеклом.

— Что, если он вернется? — тихо спрашиваю я. — Мы можем помешать ему?

— Приговор Каллена был отменен. Как и любой свободный человек, он волен ездить, куда захочет. Сотрудники правоохранительных органов не контролируют его передвижения. Но ему нет

причины возвращаться сюда.

– Как насчет земельного участка на Вулф-Ривер, унаследованного от его матери?

– Там сплошная разруха. Для него ничего не осталось. Он будет безумцем, если попытается обосноваться и работать здесь. Его не любят в Сноу-Крик, Рэйчел, и он хорошо знает об этом. То, что он сотворил с этими девушками... да люди распнут его, если он вернется. Здесь накопилась масса остаточного гнева, и черт знает, что может случиться, если он сунется сюда. Я не уверен, что смогу управлять ситуацией.

– Что если он жаждет возмездия за то, что мы дали показания против него? Знаешь, как тот преступник, который вернулся за своим адвокатом в фильме «Мыс страха»?

Адам медлит с ответом.

– Думаешь, он может прийти за твоей племянницей, чтобы добраться до тебя? В этом все дело? Думаешь, он может явиться за нашими детьми, чтобы запугать нас?

Я покусываю нижнюю губу. Глубоко внутри – даже сейчас, несмотря на мою предубежденность к Джебу, несмотря на судебные доказательства и мои собственные страхи, – я не могу до конца поверить, что он способен на такое. Когда речь идет о Джебе, я не могу ясно мыслить. Трэй говорил, что со мной что-то не так, что я становлюсь больной на всю голову, когда дело доходит до Джеба. Возможно, он прав.

На лице Адама появляется суровое выражение.

– Послушай, если Каллен посмеет сунуть нос в этот город,

мы слетимся к нему, как мухи на дерьмо. Один неверный шаг – а он оступится, можешь мне поверить, – и мы пригвоздим его к позорному столбу. Тогда он навсегда вернется в Кент. Я не позволю, чтобы усилия моей матери были спущены в унитаз. Она арестовала его по всем правилам. Это не ее ошибка, и ее коллеги тоже ни в чем не виноваты.

Я удерживаю его взгляд и ощущаю недоверие и подозрительность Адама. Он не знает, как толковать мое нынешнее поведение, он не может залезть мне в голову, и это нервирует его.

– Спасибо, Адам.

Я выхожу в приемную и распахиваю стеклянную дверь, ведущую на крыльцо. Холодный ветер ударяет мне в лицо.

– Если увидишь его, скажи мне, – говорит он мне в спину. Я оборачиваюсь.

– А ты думаешь, я могу поступить иначе?

Он сталкивается с моим взглядом, и я опять чувствую его недоверие. Когда стеклянная дверь захлопывается за мной и я поспешно иду к автомобилю, то ощущаю на себе взгляд Адама. Я догадываюсь о его желании, чтобы незнакомец оказался Джебом, а я смогла бы обвинить его в чем-то серьезном. Он страстно желает арестовать Джеба и снова упрятать его за решетку, чтобы исправить несправедливость, когда преступник, арестованный его матерью, был выпущен из тюрьмы на основе технических формальностей. Если Джеб на самом деле вернулся, то пусть Адам сам ловит его. Они

не нуждаются во мне, а тем более в Куинн.

Что бы ни случилось теперь, моя задача – защитить Куинн и держать ее подальше от этого. Я посмотрю расписание полетов, забронирую билеты на завтрашний рейс, и мы уедем из города. У меня есть накопленные мили на кредитной карте; я могу позвонить подруге и спросить насчет ее дома на Мауи. Остается надеяться, что к концу школьных каникул после Дня благодарения все успешно закончится.

Я достаю ключи и уже собираюсь открыть машину, когда из темноты раздается мужской голос.

– Рэйчел!

Я замираю на месте с сильно бьющимся сердцем.

Высокая мужская фигура появляется из-за серебристого внедорожника, припаркованного возле базы поисково-спасательной группы. Я сразу узнаю его по походке. Трэй. Я бормочу ругательства себе под нос.

Сегодня среда, день практических занятий и тренировок. После тренировки спасатели вместе с некоторыми пожарными и копами обычно направляются в салун «Шэди Леди» выпить пива. Добровольческая работа в поисково-спасательном отряде занимала мое свободное время до появления Куинн. После нашего разрыва я больше не хочу видеть Трэя в обществе моих знакомых.

Остальные члены спасательной группы выходят из здания базы за его автомобилем. Смех и дружеские подтрунивания разносятся в ночном воздухе.

Трэй подходит ко мне, выдыхая облачка пара.

– Я слышал о Куинн и о том, что случилось в школе.

Я смотрю на его серебристый автомобиль. В салоне включен свет. Внутри сидят женщина и ребенок на заднем сиденье. С легким изумлением я узнаю платиновую блондинку с замысловатой прической. Это Стэйси Седжфилд, мать-одиночка с дочерью Мисси.

Мелисса «Мисси» Седжфилд была той девочкой, которая сегодня получила по носу от Куинн. Телефон Стэйси есть на листке бумаги в моем кармане.

Трэй замечает, куда я смотрю, и тихо кашляет.

– Стэйси рассказала мне, что произошло. Ты как, нормально? Если мы можем помочь...

– Мы?

Его глаза блестят в отраженном свете.

– Ты и Стэйси?

– Послушай, это...

– Господи, Трэй... Сколько времени прошло, четыре месяца? – Моя обида глубока и совершенно иррациональна. Мы собирались пожениться и провести целую жизнь вместе, а он уже нашел кого-то еще. – Тебе нравится ее дочь, но не моя племянница?

– Это нечестно. Дело в другом. Мы...

Я вскидываю руки.

– Прошу прощения, сейчас я не могу говорить с тобой.

Я разворачиваюсь спиной к нему и открываю замок авто-

мобилия.

– Рэйчел, нам нужно поговорить! – окликает он.

Но я не обращаю внимания на его слова. Я забираюсь в салон, захлопываю дверь и трясусь от холода.

– Что происходит? – спрашивает Куинн, широко распахнув глаза. Она прячется под моей курткой, и это доставляет мне неопишное облегчение.

– Что сказали полицейские? Чего хочет Трэй?

Я вставляю ключ в замок зажигания и быстро завожу двигатель. Краешком глаза я вижу, что Трэй идет к моему автомобилю. Я ставлю машину на передачу и жму на газ, оставляя его стоять в красном сиянии тормозных огней, прежде чем поворачиваю на дорогу. Потом смотрю в зеркало заднего вида. Он стоит на тротуаре и смотрит мне вслед.

Я с силой выпускаю воздух из легких.

– Я ничего не сказала копам о том мужчине. Просто спросила, что случилось и будут ли выдвинуты обвинения. – Я снова гляжу в зеркало и убеждаюсь, что за нами никого нет. – В автомобиле Трэя сидела Мисси Седжфилд и ее мать Стэйси. Похоже, ты врезала по носу дочери новой подружки Трэя.

Наверное, мне не стоило бы упоминать об этом, но сейчас мне нужна любая связь, любая поддержка. Я даю ей понять, что мы одни против всего мира и что мы можем доверять друг другу.

Куинн несколько долгих секунд изучает мое лицо.

– Трэй встречается с *матерью Мисси*?

Я кривлю губы; обида не отпускает меня. Мои руки крепко сжимают рулевое колесо.

– Мисси Седжфилд – тупая корова, – говорит Куинн.

Я невольно улыбаюсь.

– Да, и я никогда не ладила с ее матерью.

– Ты училась вместе со Стэйси Седжфилд?

Я кошусь в ее сторону.

– Ага. Должна признаться, тогда мне тоже несколько раз хотелось врезать ей по носу.

Куинн молча смотрит на меня, и я ощущаю тонкую ниточку взаимосвязи. Тонкую, как паутинка, но не менее прочную. Мне хочется снова спросить, что Мисси сказала ей, но я не хочу оборвать эту новую связь. Сначала нужно укрепить ее.

Я включаю обогреватель на полную мощность и поворачиваю на север по автостраде. Куинн устраивается поудобнее и засыпает. Сегодня был трудный день. Я бросаю очередной взгляд в зеркало заднего вида и не замечаю ничего необычного. Теперь можно спокойно дышать.

* * *

Джеб смотрел, как уезжает Рэйчел. Адам Лефлер тоже наблюдал за ней из окна своего кабинета. И Джеб видел, как Трэй Сомерленд подошел к ее автомобилю.

Он тихо ругается себе под нос. Он хотел узнать, что она

сказала копам. Ему нужно было гарантировать, что отцовство Куинн останется в секрете, пока он не очистит свое имя. Его беспокоило, что дело могло выйти наружу.

Он медленно ехал по улице под тихий рокот двигателя. Но он не собирался следовать за Рэйчел. Благодаря Куинн он знал, где она живет. Он вернется позже, когда все будет тихо и Куинн заснет.

Он был вынужден приложить руку к сегодняшним событиям в школе. Как отреагирует Рэйчел на его появление у порога ее дома – можно только гадать.

Нервозность, предчувствия, раскаяние – чувства, которые он не мог точно определить, – волнами проносились через него.

Глава 7

Когда мы выезжаем в уединенные пригороды Сноу-Крик, где нет уличных фонарей, густой и темный лес обступает нас с обеих сторон. Северное сияние полощется в небе, заставляя ледники испускать призрачное свечение. Я в очередной раз заглядываю в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что все в порядке.

На дороге за нами никого нет.

Я сворачиваю с шоссе на лесистый полуостров, который вдается в озеро, где мы живем. Там есть всего лишь три земельных участка: мой и два соседских дома, чьи хозяева приезжают только зимой. Знакомая депрессия овладевает мной, когда я веду свой старый пикап по ухабистой подъездной дорожке. Ветки скребутся о двери, напоминая о несостоявшейся подстрижке и обо всех других вещах, которые я собиралась сделать. О домашних занятиях, которые мы планировали вместе с Трэем. Ремонт и реконструкция дома. Ландшафтные работы. Реновация шлюпочного эллинга, чтобы мы могли сдавать его в аренду ради дополнительного дохода. Когда мы приближаемся к дому, я вижу, что лампочка над крыльцом перегорела. Все погружено в черноту.

Я ругаюсь сквозь зубы, когда мои фары освещают деревянную калитку во дворик сбоку от кухни, где я складываю всякий мусор. Калитка висит на петлях и хлопает на вет-

ру. Куча жестяных банок катается по бетону перед кухонной дверью.

Я тщательно вымыла эти банки перед тем, как сложить их в мусорный бак снаружи. Но медведи лезут везде в отчаянных попытках набрать вес для впадения в зимнюю спячку. Нужно будет убрать этот мусор. Но моя первостепенная задача – обеспечить Куинн горячую еду перед тем, как отправить ее в душ. Поддержать домашний распорядок, насколько это в моих силах. Найти способ обсудить сегодняшние события.

Я лезу в бардачок за налобным фонарем.

– Подожди минутку, пока я не посмотрю, что медведь ушел, – говорю я, когда выхожу из автомобиля. Но Куинн не слушает меня. Она вылезает наружу, хлопает дверью и топает к парадному входу, держа в руках мою куртку и мой рюкзак. Я черпаю надежду хотя бы в том, что она держится за что-то мое. Она набирает код на замке, и дверь закрывается за ее спиной.

Я стою одна в темноте и глубоко дышу. Провожу по двору лучом фонарика. Одновременно лягаю банки и стараюсь производить побольше шума, чтобы медведь не подходил ближе. Когда я убеждаюсь в том, что никого нет, то собираю жестянки и убираю их в мусорный контейнер. Потом снова замираю. Волоски на шее встают дыбом, когда я слышу другой звук за шелестом ветра. Я внимательно слушаю, но ничего не слышу. Но кто-то явно наблюдает за мной из темно-

ты. Первобытный страх проползает мне в голову.

Я быстро хватаю последнюю жестянку, захожу в дом месте с мусорным мешком и запираю дверь за собой. На мгновение приваливаюсь спиной к двери, закрываю глаза и собираюсь с силами.

Наверное, это медведь. Все дело в моей паранойе. Но когда я снимаю грязные сапоги и шлепаю в чулках на кухню, недоброе предчувствие не покидает меня.

Трикси стучит хвостом при моем появлении, но не встает со своей лежанки, как раньше. Ей удобно там, где она находится. Она надеется, что ее покормят. На кухне нет никаких признаков Куинн, как и в гостиной на другой стороне дома.

– Куинн? – Я включаю свет и отопление. Девочки нигде не видно.

– Куинни! – зову я, когда поднимаюсь по лестнице. Я поворачиваю ручку двери ее спальни. Заперто. Я тихо стучу в дверь.

– Куинн, ты придешь ужинать?

– Я не хочу есть, – отвечает приглушенный голос изнутри. Она явно плакала.

– Тебе нужно что-то съесть...

– Я же сказала, что не хочу. Уходи.

Я закрываю глаза.

– Куинн, нам надо поговорить.

Молчание.

Я растерянно стою перед дверью. Это именно та дилемма,

ради которой я призывала дух моей сестры. За последние несколько лет мы редко встречались, но каждый раз, когда мне была нужна помощь, София была рядом со своими мудрыми советами. Горечь утраты настолько велика, что у меня перехватывает дыхание. Моя мать умерла, когда мне было восемь лет – столько же, как и Куинн сейчас. Поэтому я отчасти понимаю ее душевную боль. София, на одиннадцать лет старше меня, приняла роль матери. Мне хочется, чтобы Куинн позволила мне сделать то же самое для нее. Я борюсь со слезами. Я очень устала, вот и все. Завтра утром я буду сильнее и сообразительнее. Мы уедем отсюда.

Я принимаю обжигающе горячий душ и вычищаю дневную грязь из волос, но все равно не могу избавиться от холода в костях. Наношу дезинфицирующий крем и пластырь на маленький порез над бровью и сушу волосы. Надеваю тренировочный костюм и спускаюсь вниз в носках. Покормив Трикси, я направляюсь к камину.

Я опускаюсь на колени со скатанной старой газетой руках, поджигаю бумагу, потом растопку и кладу дрова. Глядя на пляшущие языки пламени и слушая тихое потрескивание, я думаю о дровах, которые мы с Трэем рубили и складывали в поленницу перед отъездом на Бали. Удивительно, как быстро все развалилось. Появление Куинн послужило катализатором, но были гораздо более важные обстоятельства. Мне приходят на ум его слова:

«Знаешь, я всегда думал, что ты до сих пор равнодушна

к нему. Что ты не можешь отречься от него, несмотря на то что он сделал».

Я встаю и расхаживаю по гостиной, сожалея о том, что не купила жалюзи для панорамных окон, выходящих на темный сад, лодочный элинг и озеро. Восходит луна, подсвечивая гребни волн пенистым светом. Сегодня вечером с березы облетели последние листья, и голые ветви пялятся в небо, как скрюченные пальцы.

Я потираю ладони и думаю о супе. Но мне тоже не хочется есть. Вместо этого я наливаю виски из бутылки бочковой выдержки, оставленной Трэм. Беру бокал и устраиваюсь у огня в дедовском кресле с ноутбуком на коленях.

Потягивая виски, я ищу газетные статьи и комментарии о суде над Джебом и о его недавнем освобождении. Я кликаю по заголовку «Ванкувер Сан» трехдневной давности и снова читаю резюме судебных слушаний и последние усилия «Проекта Невинности» по опровержению его обвинения. Согласно статье, юристы проекта UBC заявили, что личный адвокат Джеба имел в своем распоряжении, но не предоставил доказательства наличия ДНК другого мужчины на окровавленной толстовке, обнаруженной в его автомобиле. В кармане толстовки находилась пустая пачка «наркотика для изнасилований». Кроме того, толстовка была добавлена к уликам позже, чем остальные вещи из автомобиля Джеба. Полиция заявляла, что это техническая ошибка и что следы чужой ДНК не оправдывают Джеба. Но судья отменил приго-

вор на основании разумного сомнения, постановив, что первоначальные свидетельства не были приняты во внимание.

Однако при этом судья не объявил Джеба невиновным. В результате, как написал один бойкий репортер, насильник оказался на свободе.

Я навожу курсор на фотографию, нажимаю клавишу, и лицо Джеба занимает весь экран. Смуглый, чувственный, молодой Джеб. Именно такой, каким я знала и любила его. Смешливые ирландские глаза его отца, иногда озорные и привлекающие, а порой исполненные глубокой тайны и печали. Вид этих глаз заставлял меня таять, посылал мурашки по коже. Я пью виски и чувствую, как в груди разливается теплота, но даже теперь его глаза на фотографии делают это со мной. Боже, как мне быть? Как избавиться от этих противоречивых, искаженных воспоминаний? От этих чувств? Нелегко описать глубину того, что я когда-то чувствовала по отношению к Джебу. Думаю, лишь немногие могут понять, что было между нами.

Когда он появился в начальной школе Сноу-Крик, я была зачарована им. Он был загадочным и совершенно непохожим на остальных. Особенным. Он будоражил мое воображение. Позже в том году, когда умер его отец, он пропал из школы, но вернулся следующей весной. Мы подружились и гоняли мяч на одном из нижних полей во время ленча. Постепенно он научил меня смотреть на мир новыми глазами. Думаю, тогда я впервые осознала, что в мире есть лю-

ди – такие, как индейская община в соседней долине, – чье мышление и образ жизни отличаются от нашего. Это превратилось в увлекательное приключение. Я начала встречаться с ним за пределами школы, и пока мои подруги гуляли по магазинам или ходили в кино, мы с ним отправлялись в лес. Он освободил девочку с мальчишескими ухватками, обитавшую во мне. Мы играли. Мы открывали новое. Он позволил мне сохранить детскую непосредственность гораздо дольше, чем это было у моих сверстниц. И мало-помалу мы осознали сексуальность друг друга. Было восхитительно прикасаться к нему и ощущать его прикосновения. Джеб просто-напросто стал частью меня – того, чем я была.

А потом он поведал мне свой самый глубокий и темный секрет. Он рассказал причину своего исчезновения из школы в ту первую зиму.

Это было необыкновенное признание. Высшая степень доверия... и я предала это доверие. Я воспользовалась его глубочайшим личным секретом, чтобы отправить его за решетку. Шепот вины до сих пор остается со мной.

Я нажимаю на другой снимок, сделанный перед зданием суда перед началом первого заседания более восьми лет назад. Угол освещения на фотографии подчеркивает смуглую кожу Джеба, его выступающие скулы. Его длинные черные волосы блестят на солнце. Я вижу его татуировку: кижуча с сердитой зубастой пастью, плывущего вверх по его шее. Однажды Джеб сказал мне, что из всех лососей кижуч обла-

дает тремя качествами, которые он ценит больше всего: мужеством, упорством и неистовой целеустремленностью в желании идти до конца.

Теперь мне хочется знать, до каких пределов он намерен пойти.

Я осторожно прикасаюсь кончиками пальцев к его лицу на экране. Во мне распускаются знакомые чувства вины и нежности. Вместе с ними приходит гнев, ненависть и горечь измены, и все это превращается в маслянистый коктейль, обволакивающий меня изнутри. Этот человек изнасиловал мою одноклассницу и оставил ее практически мертвой. Эми, мать Куинн. Другая одноклассница до сих пор числится пропавшей без вести, предположительно убита. Судья не сказал, что он не виноват в этом. В полиции больше никто не расследует это старое преступление. Дело в том, что копы по-прежнему считают его виновным во всем, что случилось. Они даже не заподозрили никого, кроме Джеба. Все улики до сих пор указывают на него.

Я тихо ругаюсь и допиваю виски, прежде чем налить в низкий стакан еще на два пальца янтарной жидкости.

За тебя, Трэй. За тебя, Джеб... За исковерканное прошлое.

Я делаю очередной глоток и быстро пролистываю еще несколько газетных статей, а потом вдруг останавливаюсь на фотографии, привлекающей мое внимание. Я щелкаю по ней, и увеличенное изображение заполняет экран.

Группа людей сидит за столом для пикника перед зданием суда во время слушаний об отмене приговора Джеба. Солнечный день, они завтракают. За столом сидит юридический советник проекта «Невиновность» – пожилая азиатка, отошедшая от дел техническая работница полиции, которая дала показания в пользу Джеба насчет анализа ДНК, – и блондинка, в которой я сразу же узнаю Пайпер Смит. Это ее документальная драма для программы «Настоящее преступление» выявила ошибки в полицейских доказательствах и наличие дополнительной ДНК на окровавленной толстовке. Пайпер была первой, кто убедила бывшую криминалистку дать показания в пользу Джеба. Но в этой группе есть еще одно лицо, от которого мое сердце сразу же бьется сильнее.

Лицо Софии.

Моя сестра завтракает и смеется с этими людьми. Их отношения вовсе не выглядят враждебными. Я осторожно ставлю виски на боковой столик и проверяю дату. Семь месяцев назад, за месяц до ее гибели.

София посещала эти слушания ради спасения Джеба? Как она могла оказаться тесно связанной с группой людей, борющихся за отмену его приговора? Все должно было быть наоборот, особенно с учетом того, что Джеб был биологическим отцом ее приемной дочери. Разве Питер и София не прилагали все силы для того, чтобы Джеб оставался в тюрьме?

Я хмурюсь и листаю дальше. Нахожу другую фотографию

Софии и одного из адвокатов проекта «Невиновность», где они беседуют на скамье во время перерыва в слушаниях. Их головы доверчиво склоняются друг к другу.

Я выпрямляюсь в полном недоумении.

Что ты делала на этих слушаниях, София? Почему ты не поговорила со мной?

Слова Гатри вращаются у меня в голове. Он сказал, что София договорилась встретиться с ним и обновить свое заветование. Но она погибла незадолго до того, как успела это сделать.

Какие изменения ты хотела внести, София? Они имели отношение к Куинн?

Ветер стонет и завывает в скалистых отрогах у озера. Этот звук похож на волчий вой и всегда заставляет меня ежиться. Я тянусь к бокалу и делаю очередной глоток дорогого виски Трэя бочковой выдержки. Изнеможение опускается на меня, как ватное одеяло. Я закрываю ноутбук. Завтра я забронирую места на самолете и позвоню на работу. Я попрошу моего главного редактора Кэсс и менеджера по продажам Марджори разделить между собой мои рабочие обязанности хотя бы на неделю. Объясню, что у меня срочные дела и мне нужно уехать из города. Если они потеряют перспективные рекламные контракты, то потом мне придется разбираться с этим.

Все будет хорошо.

Когда мы с Куинн вернемся обратно, то Джеб либо уедет

из города, либо Адам арестует его. Я откидываю голову на спинку дедовского кресла, позволяя ему обнимать меня, наслаждаясь последними моментами тепла из камина и потрескиванием дров, прежде чем отправиться в постель.

* * *

Что-то будит меня.

Мои глаза распахиваются. Я слушаю, вцепившись в ручки кресла.

Должно быть, я ненадолго заснула. Голова тяжелая от выпитого скотча. Огонь превратился в пульсирующие угли, и холод сочится из углов комнаты. Мир снаружи расширился, сместился, и теперь завывания ветра доносятся с другого конца озера. Этот ли звук разбудил меня?

Сомневаюсь.

Крошечные пальцы страха прикасаются к моей коже. Я быстро хватаю флисовое одеяло, которое набросила на плечи, и шлепаю к лестнице. Прислушиваюсь перед дверью Куинн. Все тихо; только вой ветра в дальних скалах.

Но ледящее ощущение усиливается.

Я пробую дверь, и она открывается. Куинн спит в озерце лунного света, ее темные волосы разбросаны по белой подушке. Приблизившись на цыпочках, я тихо накрываю одеялом плечи моей племянницы. Какое-то время стою над ней, наблюдая за ее ритмичным дыханием. У меня становится

тесно в груди. Она упрямая, как и ее отец; она выстраивает стену гнева вокруг своих чувств ради собственной защиты. Эта мысль изумляет меня, и я гадаю, то ли она исчезнет со временем, то ли я всегда буду вспоминать о Джебе и нашем прошлом, когда гляжу на Куинн.

Я наклоняюсь и тихо касаюсь губами ее волос. От нее пахнет котенком, сеном, солнечным светом. Эта девочка отличается от ее отца, и я *должна забыть* о связи между ними. В конце концов все пройдет – нужно лишь время.

Мирный сон Куинн и то, что она оставила дверь не запертой, придает мне спокойствие. По одному дню, по одному маленькому шагу за раз...

Но когда я выхожу из спальни и осторожно прикрываю дверь за собой, со двора доносится какой-то стук. Трикси внизу начинает тявкать, и я ощущаю внезапный прилив адреналина.

Я бегу к кухонному окну и выглядываю в ночь. Там видны лишь колышущиеся кроны хвойных деревьев; темные тени чередуются с пятнами лунного света на траве. Какое-то время я смотрю, пытаюсь различить другие движения, увидеть грузный черный силуэт ковыляющего медведя. Потому что тогда я успокоюсь и буду знать, что не о чем тревожиться. Я подхожу к другому окну, откуда открывается вид на лодочный сарай. Волны тихо плещутся о причал, который покачивается на швартовах. Старое каноэ прикреплено к стеллажу на стены эллинга, и свободный кусок веревки постукивает

по обшивке на ветру. Слетевшая сосновая шишка внезапно ударяет в оконное стекло рядом с моим лицом, и я непроизвольно вздрагиваю и отшатываюсь в сторону. Потом тихо смеюсь.

Вот и все. Ветер носит вокруг мелкие предметы: ветки и шишки. Должно быть, что-то упало на металлическую крышу.

Я гляжу на часы; десять часов вечера. Остается достаточно времени для хорошего ночного сна. Но когда я направляюсь к лестнице, от входной двери доносится тихий стук. Я замираю на месте. Это не ветер, не шишки или ветки.

Это он.

Он пришел.

Я интуитивно понимаю это. Страх хватается меня за горло. Какой-то момент я не могу дышать, не могу пошевелиться.

Снова стук, чуть более громкий и настойчивый. Трикси скулит, потом заливается лаем. Я бросаю взгляд на дверь спальни Куинн на верхней лестничной площадке, и меня охватывает паника. Я не могу допустить, чтобы девочка проснулась или обнаружила, что он здесь. Борясь со страхом, я быстро подхожу к двери и включаю свет снаружи, но потом вспоминаю, что лампочка перегорела. Я выглядываю через глазок, и мое сердце дает сбой.

Джеб.

Неподвижная тень в серебристом лунном свете.

У меня в животе начинается непроизвольная дрожь.

Джеб стучит еще громче.

– Рэйчел! – окликает он. – Нам нужно поговорить.

Трикси визгливо лает.

Я застываю от ужаса и нерешительности. И от какого-то странного, первобытного предчувствия, от которого сохнет во рту и которое я вообще не могу определить. Боже мой. Я провожу рукой по волосам. Нужно позвонить в полицию. Адам арестует его за нарушение границ частной собственности или еще за что-нибудь.

Но он не нарушает границ чужой собственности. Он свободный человек, который стучится в дверь.

Перед моим мысленным взором мелькают газетные статьи. Лицо Софии на фотографиях. Ее улыбка, ее доверительные отношения с юристами проекта «Невиновность»... что я упустила?

– Пожалуйста, Рэйчел! Это важно.

Я сглатываю слюну, беру со стола мобильный телефон и кладу его в карман жилета. Держа Трикси за ошейник, я отпираю входную дверь и немного приоткрываю ее.

Но Трикси выворачивается из моего захвата и мчится вперед, толкает дверь и широко распахивает ее, когда прыгает на Джеба, тихо скулит и извивается всем телом. Я ошеломленно смотрю на эту картину. Старая собака помнит его и снова ведет себя, как щенок. Мои руки покрываются гусиной кожей.

Джеб ловит мой взгляд, когда наклоняется вперед, чтобы

погладить собаку, и мой разум падает в воронку, где время искажается, растягивается и прошлое совмещается с настоящим.

Он стоит перед входом, как призрак, созданный волшебством моей памяти. Смуглый, высокий, невероятно опасный и привлекательный. Одетый в черные джинсы, черные байкерские ботинки и белую футболку под кожаной курткой. И он гладит мою собаку точно так же, как десять лет назад. Спустила столько времени. У меня в голове раздается глухой рев, колени превращаются в желе. Я опираюсь на дверной косяк.

– Джеб, – хрипло шепчу я.

Он шагает вперед, и я беру себя в руки, но не могу попятиться от него. Я поймана в ловушку, как мышь под взглядом змеи. Свет из коридора падает на его лицо. Крепкий подбородок покрывает короткая щетина, лицо немного исхудавшее, волосы цвета воронова крыла слишком длинные. Дикая природа. Все в нем выглядит необузданно. Складки вокруг его губ заметно углубились. Каким-то образом он кажется выше, чем раньше. Годы, проведенные в тюрьме, никак не ослабили впечатления скрытой силы, исходящей от него. В сущности, оно лишь усилилось, и я ощущаю его собственной кожей, словно кинетическую энергию. Оно заряжает волоски своим электричеством, как будто влечет меня к нему на клеточном уровне.

Прошло восемь лет с тех пор, как я последний раз видела

его в зале суда. Девять лет с тех пор, как я находилась рядом с ним. Беседовала с ним. Прикасалась к нему.

Целовала его.

– Думаю, она помнит меня, – говорит он и треплет Трикси по загривку. Собака устраивается возле его ног и радостно поскуливает. Меня окружает вихрь воспоминаний. Маленькая Трикси, бегущая по траве вслед за мной и Джебом. Мы плаваем в реке. Джеб показывает мне, как научить Трикси идти по следу в росистом поле на утренней заре. Мы втроем лежим на тряпичном коврике под ласковым солнцем и смотрим на тополиный пух, плывущий на фоне пронзительно-голубого неба – бескрайнего, как наши мечты, и бесконечного, как наше будущее.

Жуткая вступительная сцена из документальной драмы Пайпер внезапно затмевает воспоминания: избитая, полуобнаженная Эми на железнодорожных путях.

Я рывком возвращаюсь к действительности, сую руку в карман и крепко сжимаю телефон.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я. – Почему ты следовал за моей племянницей в школе? Ты хочешь отомстить... хочешь наказать нас всех?

Черты его лица словно вспыхивают и становятся еще более резкими. Он меряет меня напряженным, немигающим взглядом, и его яремная вена пульсирует под татуировкой, оживляя ее в игре лунного света и тени. Я рассердила его, и это пугает меня. Мне известно, на что он способен.

Ветер снова завывает в сосновых кронах вокруг нас.

— Последнее, чего я хочу — это сделать тебе больно, Рэйчел, — говорит он глубоким, сдавленным голосом. Я чувствую его обиду.

— Тогда зачем ты пришел?

Что можно сказать или сделать после долгих лет молчания, обвинений, взаимной ожесточенности и проклятой обиды? После невыразимой утраты, пустоты, предательства и бессильной ярости? Все это внезапно образует зияющую рану с нервными окончаниями, открытыми для холодного ветра.

— Куинн спит? — тихо спрашивает он.

До меня с трудом доходит смысл его слов.

— Что?

— Я хочу знать, спит ли она. — Он заглядывает в дом через мое плечо. — Где она?

Я наклоняюсь вперед, хватаю Трикси за ошейник и оттаскиваю собаку в коридор, подальше от него. Закрываю Трикси внутри и стою перед дверью в носках на ледяном полу. Мой палец лежит на клавиатуре телефона.

— У тебя есть ровно одна минута, чтобы сказать, что тебе нужно, а потом я вызову полицию.

Он поднимает руки и показывает ладони.

— Полегче. — Его взгляд быстро перемещается между телефоном, дверью и мною. — Я просто хочу поговорить, хорошо? В том числе о Куинн, но я не хочу, чтобы она знала

о моем приходе.

Я нахожусь в растерянности.

Этот человек обладает психологическими признаками социопата... Он законченный лжец...

Джеб подходит ближе. Слишком близко. Я отступаю, но упираюсь спиной в дверь. Теперь мы одни, и я не знаю, чего он хочет. Мой палец успевает набрать девятку и первую из двух единиц аварийного номера 911.

Прежде чем я успеваю закончить, он бросается вперед и хватает мое запястье с такой силой, что мои пальцы немеют, и я роняю телефон, который со стуком падает на пол. Я смотрю на телефон, пока сердце стучит в груди, как барабан. Потом медленно поднимаю голову.

Его пальцы тисками сжимают мое запястье. Его кожа обжигает мою. Его взгляд пронзает меня, как лазерный луч. Его лицо, его губы находятся близко... слишком близко. Я чувствую его знакомый запах. Мышечная память, первобытный огонь желания прорывается сквозь страх. Меня начинает трясти.

– И что ты скажешь копам? – тихо спрашивает он, все еще пронзая меня взглядом. – Что я пришел посмотреть на мою дочь?

Мой брюшной пресс превращается в воду. Я молча смотрю на него, потеряв дар речи.

– Я знаю, Рэйчел. Знаю, что она моя дочь.

– Как?.. – хрипло выдавливаю я. – Откуда ты знаешь?

– София, – тихо отвечает он и отпускает мою руку. Он подбирает мой телефон и возвращает мне. – Твоя сестра помогала мне. Она одной из первых обратилась в проект «Невиновность». Они с Питером помогали оплачивать счета адвокатов.

У меня подгибаются колени, и я наваливаюсь спиной на дверь.

Сосновая шишка пикирует на металлическую крышу гаража, когда очередной сильный порыв ветра проносится через хвойный лес. Тени пляшут в головокружительном танце, грозя увлечь меня в темноту.

– София *сказала* тебе? – шепчу я. – Когда? Почему?

Несколько секунд он молча смотрит на меня.

– Мне очень жаль. Я думал, что, наверное, ты знаешь о нашей совместной работе. Она более пяти последних лет верила в мою невиновность. Я полагал... – Он делает паузу. – Я полагал, что она рассказала тебе об этом.

Мне нехорошо. Я не могу ясно думать.

– Значит, вот зачем ты пришел? За Куинн?

Он отворачивается, как будто решает, сколько мне можно сказать.

– Нет, – наконец отвечает он, и я чувствую, что это ложь. Он собирался сказать «Пока еще нет». К моему горлу подступает тошнота.

– Но поэтому я собирался поговорить с тобой. Я совершил промах, когда сегодня появился возле школы. Мне не следо-

вало привлекать внимание к Куинн или к тебе. Пока что нет.

Пока что.

Но потом там случилась драка. Я видел, как ты ездила к копам. Мне нужно знать, что ты им сказала, потому что я не хотел предавать дело огласке. — Он выдерживает короткую паузу. — Ради Куинн. Ради моей дочери. И ради моего обещания Софии и Питеру.

Я соскальзываю спиной по двери и опускаюсь на холодную ступеньку, охваченная ощущением нереальности происходящего. Возможно, мне все это приснилось. Возможно, я заснула в кресле у огня.

Джеб медленно опускается на корточки передо мной. Он кладет теплую, тяжелую ладонь мне на колено.

— Боже, до чего ты хороша, — шепчет он. Его глаза влажно сияют в лунном свете. — Прошло столько времени.

На его лице появляется голодное выражение, как будто он готов проглотить меня целиком. Сильное, жилистое тело. Он такой же дикий, как эти горы и леса... и существа, обитающие там.

В нем сохранилось все, что с самого начала привлекало меня к Джебу, — животный магнетизм, свобода и необузданность. Его поэтичность, глубокая страсть к этим горам, к его родной земле. Его смелость, упорство, желание идти под бой своего барабана. Это привлекает меня и сейчас. Мое сердце и тело сражаются с моим разумом. У меня все плывет перед глазами, и меня обуревает желание прислониться к нему,

оказаться в его объятиях, чтобы все эти годы вместе с давней трагедией растворились в прошлом.

Но потом я думаю о Куинн. О Софии.

– Я... Я не понимаю.

– Я невиновен, Рэйчел. И я вернулся домой, чтобы доказать это. А когда это будет сделано, я хочу получить доступ к моей дочери. Хочу сказать ей правду.

Глава 8

В лунном свете лицо Рэйчел кажется пепельно-бледным, боль и страх блестят в ее глазах. Но когда Джеб уселся на корточки перед ней, он увидел кое-что еще, темное и мерцающее. Он также ощущал это, словно разряды электричества, потрескивающие между ними, – что-то живое, еще не умершее. Атавистическая, первобытная часть Рэйчел по-прежнему тянулась к нему, и эта тяга была взаимной. Это возбуждало плотскую часть его существа, которую он привык держать глубоко скрытой внутри. И это беспокоило его. Он пришел объяснить ей причину своего возвращения и рассказать, что нужно сделать ради блага Куинн, но потом собирался отойти в сторону от них. Сейчас что-то подсказывало ему, что все гораздо сложнее, чем он думал.

– Я тебе не верю. Как я могу поверить, что София помогала тебе? Как ты можешь быть невиновным, когда Эми родила ребенка от тебя? Ее жестоко изнасиловали...

Ветер бросал ей в лицо пряди темных волос. Джеб поборол желание отвести эти локоны ей за ухо. Спросить о маленьком медицинском пластыре над глазом.

– Рэйчел, – мягко сказал он. – У нас с Эми все было по взаимному согласию. Это случилось до того, как ее похитили и избили. Я никогда не отрицал, что переспал с ней.

Его слова были как физический удар для нее. Она быстро

заморгала, и ее прекрасные черты снова исказились от боли.

– Эти четверо парней подставили меня. Люк, Леви, Клинт и Зинк – по какой-то причине они все солгали, что я поехал на север. Но я ни разу не лгал в суде. И последнее, что я хотел в своей жизни – это причинить тебе боль. Если я виноват в этом, ничего не поделаешь. И мне жаль... очень жаль.

Рэйчел прижала ноги к груди и плотно обхватила колени. Она дрожала, и ее глаза были похожи на большие темные ямы. Ее губы... ему хотелось снова почувствовать их прикосновение. Всеми фибрами своего существа он внезапно потянулся к ней. Снова оказаться так близко, прикоснуться к ней... он думал, что запечатал каналы всевозможных новых чувств после того, как увидел Куинн. Но это было другое, всепоглощающее чувство. Он почти боялся неистовости своего желания и любви к этой женщине. Джеб понимал, что его чувства к Рэйчел, которые он тщательно пестовал все эти долгие годы в тюрьме, вероятно, вышли за все разумные пределы. У него не было возможности встретиться с кем-то еще, чтобы вытеснить свою одержимость. У него остались лишь воспоминания, кем они когда-то были друг для друга, и он изо всех сил цеплялся за это. Это стало психологическим инструментом выживания.

Но здесь была реальность. Это было настоящее время. За десять лет Рэйчел прожила целую жизнь. Джеб был обязан помнить об этом и видеть вещи в перспективе. Он должен был передать свою весть, а потом держаться подальше от

Рэйчел и Куинн, пока не докажет свою невиновность.

– Это была дурацкая ошибка, – сказал он. – Буйная подростковая реакция на нашу ссору, когда ты сказала, что между нами все кончено. Я не мог поверить, что это всерьез. Я думал, что когда ты протрезвеешь, то придешь в чувство. А следующим вечером я увидел тебя у костра в объятиях Трэя, где он целовал тебя и запускал руку тебе под свитер.

Джеб пристально смотрел на нее. Она сглотнула.

– Ты помнишь, из-за чего мы поссорились? – тихо спросил он.

Она посмотрела на звезды, как будто могла найти ответы в ночном небе или сила тяготения могла задавить чувства, которые он читал в ее взгляде. Темно-карие глаза были исполнены боли, которую он оставил после себя.

– Ты хотела заняться любовью со мной. Хотела, чтобы мы впервые занялись сексом. Я... – Он покачал головой. – Господи, я так сильно любил тебя. А ты была пьяна. Мне страшно хотелось обладать тобой, но я решил, что нам нужно подождать. Я хотел, чтобы первый раз был особенным, потому что... потому что ты была всем для меня. Я хотел, чтобы ты навсегда стала моей. – Он проглотил вязкий комок, вставший в горле. – У меня были планы жениться на тебе, Рэйчел. Я хотел, чтобы у нас была настоящая семья. Я хотел получить шанс на то, чтобы стать хорошим отцом.

«Каким никогда не был мой отец...»

– Ты собиралась в Европу для тренировок перед Олим-

пийскими играми, и я боялся, что ты навсегда покинешь меня, если мы не разберемся в наших отношениях перед твоим отъездом. В тот вечер я приехал и нашел тебя в гравийном карьере. Я знал, что там будут наркотики и алкоголь. Я знал, чего хотели все парни. Я пришел, чтобы забрать тебя домой, чтобы уберечь тебя... а ты валялась на одеяле в обнимку с Трэем Сомерлендом. Помнишь, что он тогда сказал мне?

Она встретила с его взглядом. Тонкая жилка пульсировала у нее на шее.

– Трэй называл меня полукровкой, а ты рассмеялась. В тот вечер ты разорвала меня пополам.

Она опустила глаза. Ветер шевелил ее длинные волосы.

– Я была пьяна, – тихо сказала она.

– Знаю. Поэтому я собирался отвезти тебя домой.

Она резко передернула плечами.

– Прокуроры сказали, что ты взбесился из-за меня и что ты тоже начал пить как одержимый.

Она говорила так тихо, что он едва слышал ее. Джеб наклонился ближе и снова прикоснулся к ее колену. Она не отпрянула и не отодвинулась от него. Он чувствовал ее запах: цветочное мыло, шампунь, алкоголь. Он рефлекторно напрягся.

Она подняла голову и посмотрела на него.

– Они сказали, что ты взбесился из-за спиртного, потому что не привык к нему. Они сказали, что ты забрал Эми и Мэ-

рили, чтобы сделать им больно, потому что на самом деле ты хотел избить меня. Я видела их в твоём автомобиле, Джеб. Я *видела*, как ты уезжал из карьера вместе с ними.

— К тому времени я уже переспал с Эми по взаимному согласию, — сказал он. — Я собирался отвезти ее домой, поскольку она не имела отношения к этому. Мэрили тоже захотела уехать. Но они обе вышли из моего автомобиля перед железнодорожным перекрестком на Грин-Ривер. Они увидели людей на поляне и побежали к ним. Я не знал, кто это. Только в суде мне сказали, что это были Леви, Клинт, Люк и Зинк. Тогда я впервые услышал их утверждение, будто они видели, как я уехал на север вместе с девушками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.